

Екатерина Останина

Криминальные кланы

Екатерина Александровна Останина
Криминальные кланы
Серия «Криминальные истории»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164426

Аннотация

Перед вами новая книга из серии «Колесо фортуны». На этот раз она рассказывает о жизни тех, чьи дороги волею судеб пересекаются с путями закона – о боссах и бойцах криминальных кланов. Эта книга откроет вам удивительный, романтичный и одновременно жестокий мир, по законам которого живут эти люди, так часто именующие себя «людьми чести».

Содержание

Введение	4
Глава 1.	11
Томмазо Бускетта.	12
Стефано Бонтате.	20
Последнее танго в Палермо	27
Когда «калашников» исполняет гимн предательству	34
Охота на фаталиста. Сальваторе Конторно	43
«Выпьешь море – видишь сразу небо	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Екатерина Останина

Криминальные кланы

Введение

Криминальные кланы... «Люди чести», члены одной семьи или обычные преступники?

О том, что такое мафия, в настоящее время каждый человек имеет некоторое представление, поскольку мафиози, современные рыцари плаща и кинжала, являются героями многочисленных кинолент, книг, газетных репортажей. Однако на самом деле мафия – это социальный феномен, который в настоящее время нуждается в глубоком исследовании, поскольку данное явление сейчас охватывает практически все страны мира.

Посмотреть на мафию отстраненно пытались многие писатели. Так, например, итальянский писатель Луиджи Малерба в своем произведении «Башковитые куры» так излагает собственный взгляд на мафию и ее структуру:

«Одна курица решила стать членом мафии. Она пошла к министру мафии, чтобы получить у него письменную рекомендацию, но он сказал ей, что мафии не существует. Она пошла к судье мафии, но и он сказал, что мафии не существует. Тогда курица вернулась в курятник и на вопросы своих товарок отвечала, что мафии не существует. И тут все куры подумали, что она вступила-таки в мафию, и стали ее бояться».

Итак, мафия существует, и все об этом знают. Единственное, что в последнее время получило большую огласку, – это информация о внутренней структуре мафии, державшаяся до последнего времени под строжайшим секретом. Можно сказать, что дела мафии были покрыты завесой тайны для представителей внутренних органов всех государств: они не имели ни документов, ни записей, составленных преступными организациями. Вернее, такие документы, конечно, были, но в руки властей они не попадали никогда.

В чем же состоит секрет этого необычайного феномена? Дело в том, что мафия никогда не являлась обычной организацией преступников; она всегда была прежде всего сообществом, своеобразным государством в государстве, а государство характеризуется железной дисциплиной и мощной идеологической базой. Мафии практически никогда не было известно такое широко распространенное явление, как предательство.

Помимо этого, население, как и куры из притчи Малербы, прекрасно знало о том, что мафия действительно существует. Так, на Сицилии, родине мафии, люди предпочитали молчать о том, что видели: кто из страха, кто окончательно задавленный нищетой. Наконец, кто дерзнет восстать против реальных хозяев жизни? В этой борьбе можно потерять не только свою жизнь, но и порой близких, что гораздо страшнее. Так не лучше ли искать покровительства у того, кто гораздо сильнее? Подобное поведение получило название «закон омерта», или проще «молчание». Если перевести слово «омертэ» с сицилийского диалекта, то оно означает «поведение, достойное настоящего мужчины». А последний никогда не станет разглашать секретов своей семьи (как настоящий гражданин – секретов государства).

Мафия появилась на Сицилии в конце XIX столетия, в период правления Бурбонов. Как сейчас, так и тогда это была беднейшая часть Италии, даже в собственной стране ощущавшая себя не родной дочерью, а скорее падчерицей. Конечно, и там были аристократы в высшем значении этого слова, каким предстает, например, главный герой знаменитого фильма Лукино Висконти «Леопард», но большими доходами они не располагали, разве что от своих скудных земельных угодий. В политике они не имели никакого веса, а правители не считали нужным даже изредка приглашать их ко двору. Работать же на земле для дворянина везде –

не только в Италии – считалось занятием позорным. В результате аристократы, задыхавшиеся в тисках безденежья, были вынуждены сдавать свою землю в аренду так называемым габелотти.

Эти сицилийские арендаторы земли, также прекрасно осознававшие тяжесть своего материального положения, решили проблему кардинально и обзавелись личными вооруженными отрядами, главной задачей которых было выколачивание денег из крестьян. Только с помощью силы возможно получить послушание – таково было их кредо, и, наверное, они были в чем-то правы, поскольку достаточно скоро габелотти превратились в успешных предпринимателей. Они владели виноградными и оливковыми плантациями, прессами и мельницами, а для усмирения непокорных всегда имели под рукой мобильные армейские отряды.

Во время гарибальдийского движения большинство габелотти приняли сторону повстанцев, что способствовало усилению их престижа. В результате габелотти сумели завладеть землей, принадлежавшей ранее аристократии. Однако в этот момент произошел парадокс: едва превратившись из рабов в господ, подчиненные унаследовали вместе с земельными пространствами также и пороки своих бывших хозяев. Только эти пороки к тому же еще и усилились. Устами своего главного героя, аристократа Джузеппе, Томази ди Лампедуза в романе «Леопард» сказал: «Мы были леопардами, львами; те, кто займет наше место, будут шакалами, гиенами». А шакалы и гиены, как известно, сначала пожирают общественные блага, а потом принимаются друг за друга. Оттого-то так легко в мафиозных группировках одни влиятельные люди заменяются другими, оттого так часто происходит война между взрослым поколением кланов и молодым. А для достижения цели, как известно, используют любые средства, в том числе убийства.

С давних пор и по настоящее время на Сицилии габелотти нужна земля и ничего, кроме земли. Здесь не хотели ни перестраиваться, ни увеличивать доходы от земель; габелотти вполне хватало того, что эта скудная земля могла им дать. Получая же от своих владений доходы, они вкладывали деньги в другие земли – таков сицилийский менталитет, и недаром здесь до сих пор жив постулат (даже не поговорка) «Земли – сколько видишь, а дом – какой есть». Таким образом, домишко вполне может быть и неприглядным с виду, но земля... Вероятно, оптимальным было бы скупить всю землю, которую сможет охватить глаз.

Один из вице-королей Сицилии XVIII столетия был поражен подобной особенностью местного населения, рассказывая, как на этом острове деньги, полученные от земли, снова превращаются в землю, тогда как ни гроша не тратится ни на промышленность, ни на торговлю, ни на обустройство имеющейся земли.

В начале XIX века новая организация была замечена властями и вызвала у них значительную тревогу, хотя в то время слово «мафия» еще не было произнесено. Тем не менее генеральный прокурор Сицилии с тревогой писал в правительственном рапорте: «На Сицилии... всеобщая продажность привела к тому, что народ стал прибегать к средствам странным и опасным. Во многих местностях существуют братства... которые не устанавливают между своими членами никаких связей, кроме общей зависимости по отношению к главе братства...»

У них есть общая касса, и народ научился договариваться с преступниками. Многие высокопоставленные служащие покрывают существование таких братств, покровительствуя им... Невозможно добиться от городских полицейских, чтобы они патрулировали улицы, невозможно найти свидетелей преступлений, совершаемых среди бела дня...»

Наконец в 1875 году впервые в мире прозвучало само слово «мафия», которое впоследствии стало частым на страницах газетных полос. И это слово произнес заместитель префекта Палермо Сораньи. «Мафия... эта огромная организация, – предупреждал он министра внутренних дел Италии, – распространилась на весь социальный организм и, действуя как

методами запугивания, так и покровительства, может заменить собой публичную власть... Во всяком случае, она обладает во сто крат большей силой, нежели правительство и закон».

С тех пор многие исследователи пытались расшифровать слово «мафия». Некоторые находят его истоки в глубоком Средневековье, XIII столетии. В это время сицилийцы, поднявшиеся на войну против оккупации острова Францией, подняли на щит лозунг «Morte alla Francia, Italia anela», то есть «Смерть всей Франции, вздохни, Италия». Если внимательно посмотреть на это предложение, то из начальных букв слов как раз сложится слово «мафия».

Если же обратиться к словарю сицилийского диалекта Трайны, то в нем это слово расшифровывается более приземленно. Этот термин имеет тосканское происхождение, где существует слово «maffia», и означает оно «нищета». Впрочем, Трайна не считает подобное значение унижительным. Вовсе нет. Человек мафии по определению невероятно самоуверен и надменен, поскольку принадлежит к племени отверженных. Что же касается нищеты, то, конечно, он нищий, потому что велик, исключительно потому что силен, отважен и тверд духом.

С Трайной соглашается также крупный специалист по народным традициям Сицилии Джузеппе Питри: «Мафия – это сосредоточенность на самом себе, чрезмерное полагание на собственную силу – первого и последнего арбитра в любом деле, в любом конфликте, материальном или идейном: отсюда – нетерпимость по отношению к чужому превосходству, а еще более – к чужому высокомерию. Мафиози хочет, чтобы его уважали, и почти всегда сам уважает других. Если он оскорблен, то не полагается на закон, на правосудие, но самолично его вершит; когда же ему для этого недостает силы, он действует с помощью других людей, которые чувствуют так же, как и он». Таким образом, типичный мафиози – это воплощение свободолюбия, а потому он привык занимать горделивое положение по отношению к стремящимся его унизить сильным мира сего, особенно если так называемые сильные мира сего сами слабы и зависимы, а закон бессилен.

Однако это мнение специалистов, хотя и авторитетных.

А как же идентифицируют себя сами члены мафии? Они именуют свою организацию «Общество чести». Что касается американских мафиози, то их обычно называют «Коза Ностра», или «Наше дело». В любом случае эти люди считают себя воплощением мужества и достоинства, гордости и чести и специфической элитой.

Сицилийцы полагают, что, возможно, впервые организация, подобная мафии, возникла у них в XIII столетии, в гонимой секте сторонников Франциска Паолийского. Этим сектантам приходилось днем скрываться в пещерах. Практически весь день у них занимали молитвы; ночью же они совершали вылазки, чтобы творить правосудие, защищая бедных от произвола богатых.

Вступить в мафию, во всяком случае раньше, было непросто. Каждый новичок в обязательном порядке проходил процесс инициации. Основными словами клятвы являлись готовность нового члена отдать все силы на защиту семьи (причем до сих пор на Сицилии желать жену ближнего своего полагается одним из самых страшных грехов, искуплением которому служит лишь смерть), сирот и вдов, а также беспрекословно подчиняться вышестоящим инстанциям. Однако при всем этом членом организации способен стать исключительно такой человек, который уже успел зарекомендовать себя в качестве хладнокровного убийцы, и в этом состоит секрет того, почему юные преступники в любой стране часто совершают преступления, на первый взгляд ничем не мотивированные. Они обязаны зарекомендовать себя с лучшей стороны, и это непреложный закон.

Вступить в мафию считалось честью; во всяком случае статус человека в глазах окружающих стремительно вырастал. Узнать мафиози было всегда легко хотя бы по манере одеваться и специфическому поведению и разговору. Так, на Сицилии члены мафии носили

яркие шейные платки, вели себя грубо и развязно; в России братву тоже узнать несложно по кожаным курткам специфического покроя, серебряным или золотым цепям и т. д.

При всем этом большинство членов мафии – люди глубоко религиозные. Религия непременно присутствует, к примеру, в обряде инициации сицилийца, правда в необычно трансформированном облике. Так, новичок должен уколоть себе палец и дожидаться, пока несколько капель крови упадут на бумажную иконку. После этого бумажка поджигается, а человек тем временем перекладывает ее из одной руки в другую, произнося формулу: «Моя плоть пусть сгорит, как эта святая икона, если я не сохраню верности своей клятве».

Что ж, эти люди так понимают религию, таков их менталитет: ведь распяли же героя рассказа Хорхе Луиса Борхеса, студента, пытавшегося объяснить Евангелие неграмотным индейцам. Просто именно так они восприняли текст Священного Писания, в соответствии со своими многовековыми воззрениями уверовали и принесли жертву. Так что их понимание библейского текста абсолютно логично.

Чтобы понять суть ритуалов сицилийцев, достаточно взглянуть хотя бы на некоторые сентенции, включенные в обряды различного рода. В них причудливо перемешались народные верования, религиозность и сознание аристократов. Вот небольшой диалог из обряда инициации:

«– Окажите мне честь, мудрый товарищ, скажите, как Вы узнали общество? – Было прекрасное утро субботы и светила звезда. Когда я шел, то увидел сад с розами и другими цветами и посреди сада стояла звезда. Меня встретил ангел и спросил: “Чего Вы ищете?” – “Я странствую в поисках садика с розами и другими цветами, где крестят отроков – каморристов и юношей чести”. – “Если Вы ищете этот сад, то входите”. И так я вошел».

А вот диалог, происходящий при избрании члена мафии на более высокую должность:

«– Окажите мне честь, мудрый товарищ, я разговариваю с вами. Можете ли Вы ответить, что представляет собой Незримое общество?»

– Высокопочтимый мудрый товарищ, Незримое общество представляет собой огромный зеленый луг, вокруг которого непрерывно гуляют ангелы и несравненные кавалеры, чтобы расставить по местам все вещи, что находятся за его пределами; все души духовные и телесные, которые их знают; друзей и родственников из другого мира, которые их не знают. Кто попадает к ним, тех узнают, и они показывают только свои достоинства, чтобы их узнали. Они исполняют обязанности святых рая, которые принимают и направляют всех в соответствии с заслугами: луг и крест, крест и луг».

Отчего же так странно переплетаются религиозные воззрения и высшие помыслы с жестокими убийствами? Вероятно, причина этого кроется в том, что сами члены мафии привыкли делить всех людей на ряд определенных категорий. В результате кодекс чести действительно нерушим, но только внутри самого клана. Например, каждый член клана обязан говорить своему соратнику только правду. Что же касается прочих людей, пусть даже другой семьи, то на нее действие подобного кодекса не распространяется. Тот, кто не входит в клан, причисляется к людям низшего сорта. Столько невинных людей погибло только потому, что просто случайно они оказывались рядом с человеком, приговоренным мафией к смерти! По этой же причине с невероятной жестокостью из непричастных заведомо людей мафиози выколачивают нужную им информацию, хотя доподлинно знают: их жертве ничего не известно.

Как иллюстрацию, демонстрирующую отношение членов клана к прочим представителям человечества, можно привести маленький отрывок из произведения Леонардо Шаши «День совы», в котором главный герой, глава мафиозного клана, говорит: «То, что обычно называют человечеством, я делю на пять категорий: люди, полулюди, людишки, рвачи и шушера. Людей чрезвычайно мало, полулюдей мало. Будь моя воля, я остановился бы на полулюдях... Так нет же, деградация идет еще ниже, до людишек: они дети, возмнившие

себя взрослыми. И еще ниже, до рвачей, которых уже легионы. И наконец, до шушеры: им следовало бы жить в прудах вместе с утками, ибо их жизнь имеет не больше смысла и пользы, чем жизнь уток...»

Что ж, действительно, большинство людей не руководствуются кодексом чести, нарушение которого регулируется исключительно при помощи убийства.

Смертный приговор члену клана, решившемуся посягнуть на устои мафиозной организации, обычно выносил сам глава – капо, или дон. Глава семьи при этом лично приходил к киллеру, человеку младшего мафиозного разряда (по-итальянски его обычно называли «пиччотто» – «малыш»), приветствовал его поцелуем в губы и произносил следующее благословение: «Если мать требует, малыш повинется». После этого избранник капо в прежние времена брал лупару – аналог российского обреза, заряженного картечью, – и отправлялся на выполнение задания (с 1980-х годов лупара отошла в прошлое, и ее место занял «калашников», сразу сделавшийся излюбленным оружием киллеров, и не только итальянских). При этом о вынесении смертного приговора провинившийся человек всегда предупреждался заранее.

На Сицилии существовал целый ритуал, предшествовавший казни. Например, если оскорбление было нанесено роду или семье, то наутро приговоренный к смерти находил перед своим порогом труп мула. За предательство обычно получали другой «подарок» – отрезанную овечью голову. Обреченному стреляли в голову, и он не испытывал особых мучений за исключением тех случаев, когда за большую провинность момент смерти намеренно желали оттянуть. В этом случае в гильзе патрона картечь смешивали с солью и стреляли не в голову, а в тело, чтобы причинить жертве долгие и страшные мучения. Далее убийца «подписывался» под произведенной работой. В этом случае впоследствии предателя находили с камнем во рту, а продавшегося за деньги – с монетами. Изобретательность мафиози была поистине беспредельной.

Что же касается «малыша», то, выполнив это задание, он получал повышение, автоматически переходя в другую категорию – «тавара», или «быка». Нечто похожее наблюдалось и в других странах, в том числе и в России. А поскольку желающих получить повышение всегда было много, то и члены кланов не представляли собой исключение, и желающих попробовать себя на поприще убийцы всегда было более чем достаточно.

В любой стране мафиозная организация обычно базируется на территориальном принципе. Например, территория Палермо поделена между 20 семьями, а Нью-Йорк контролируют 5 организаций подобного рода.

Каждый такой участок неприкосновенен, и хозяева могут распоряжаться им как угодно. Однако, когда доходит дело до чужих участков, член другой семьи не имеет права не то что совершить там преступление, но даже приобрести, например, дом. Если он нуждается в чем-то подобном, то должен испросить разрешения у семьи, контролирующей участок.

Во главе семьи «людей чести» стоит глава, называемый сицилийцами капо. У него есть заместитель и от одного до трех советников. Далее следует среднее звено. Это командиры бойцов, в подчинении которых обычно находится 10 человек. Всего реальных бойцов у каждой семьи – от 20 до 70, однако на самом деле желающих сотрудничать с мафией так много, что создается впечатление, будто бойцов гораздо больше, тем более что мало кто отказывается оказать мафии хотя бы разовую услугу.

Боец вполне может пройти все ступени и в конце концов сделаться главой семьи, примером чему служит история жизни Лучано Луиджи – знаменитого Счастливого Лучано, о котором будет рассказано ниже. Этот человек вышел из беднейшей крестьянской семьи, которую не был способен прокормить тяжелобольной отец и, вероятно, от которого он и сам заразился туберкулезом. Лучано практически являлся калекой и все же превозмог телесный недуг настолько, что сделался наводящим на всех ужас страшным киллером, работавшим на

семью Корлеоне. Человек без предрассудков, уничтоживший своего босса Микеле Наварру, занял его место и развязал одну из самых кровавых войн между кланами.

Кроме того, мафия имеет свой высший орган, носящий название «Капитул», целью которого является урегулирование сложных отношений между отдельными кланами. Члены Капитула избираются один раз в три года, и каждый из них представляет интересы какой-либо конкретной семьи.

Если «человек чести» попадал в тюрьму, то подобное обстоятельство расценивалось как катастрофа и глава клана был обязан не оставить его в беде. Ни он, ни его близкие не должны были пострадать прежде всего в материальном отношении. Что касается размеров компенсации, то здесь твердых правил никогда не существовало и каждый дон решал эту проблему исходя из собственных установок. Точно так же глава семьи брал на себя обеспечение семьи раненого бойца или же достигшего преклонных лет и не имеющего возможности зарабатывать себе на жизнь. В то же время большинство «людей чести» обладали такими огромными доходами, что в компенсации по большей части не нуждались. Например, в 1980-е годы на Сицилии нередко можно было увидеть члена мафии, забирающего в банке наличными до 2 миллионов долларов, переведенных на его счет, как правило, швейцарским банком, реже – другим, но тоже иностранным.

Кто не молчит, тот умрет – это положение давно принято в мафии. Это на самом деле настоящий мир молчания. К тому же все записанные на бумаге слова, касающиеся мафии, не стоят ничего, потому что ни о чем не говорят. Здесь не существует списков и расходных книг, уставных документов, однако произнесенное слово имеет настоящий вес. В семьях правила поведения передаются устно, но запоминаются навсегда, и это доказывает, что иной раз слово может иметь гораздо больший вес, нежели какое-либо уложение.

Но и слова у «людей чести» совершенно особые, непонятные тем, кто не входит в семью. Язык их таинственен, полон идиом и диалектных особенностей. Они часто разговаривают своего рода полуфразами, исполненными непонятных намеков, которые крепко цементируют каждый особый семейный круг.

Но если возможно, то мафиози вообще не пользуются словами и все же передают при этом друг другу максимум информации. Значение имеет буквально все: легкая полуулыбка, неприметный жест, определенный наклон головы, быстрый, но многозначительный взгляд. Так, известен случай, когда итальянская полиция арестовала двоих членов мафии, найдя в их автомобиле пистолет. Однако, пока полицейские занимались обыском, эти двое успели обменяться всего лишь взглядами и договориться таким образом: один возьмет всю вину на себя, в то время как другой станет говорить, что ничего не знал о хранящемся в бардачке машины пистолете. Вообще «люди чести» практически не разговаривают, когда рядом с ними находятся полицейские, а если и произносят слова, то самые обычные, из которых даже изощренный сыщик при всем желании не смог бы сделать никакого вывода.

В обществе главы кланов пользовались невероятным авторитетом. Например, глава клана Монреале дон Витторио Галэ, солидный человек благородной и приятной внешности, всегда безукоризненно одетый, отправлялся каждое утро по своим делам в общественном транспорте, и каждый пассажир считал для себя честью уступить ему место, хотя всем было известно: за плечами этого благородного господина, как минимум, 39 убийств. Тем не менее даже архиепископ города не мог похвастаться подобным уважением, проявляемым к нему прихожанами.

Между прочим, известно много священников, которые по доброй воле или вынужденно сотрудничали с мафией. Так было и на Сицилии, и в Колумбии. Они могли вести переговоры об уплате выкупа за похищенных либо обслуживали кладбища, получая за это деньги. Только в 1982 году палермский кардинал решился отслужить антимафиозную мессу в связи с убийством супругов Далла Кьеза, которое потрясло все итальянское общество. Что

же касается папы, то Иоанн Павел II также не мог оставаться в стороне: он осудил убийства как таковые, но не решился при этом даже произнести слово «мафия».

Большинство священников призывали зарвавшихся преступников стать на путь покаяния, говоря, что двери церкви остаются открытыми для всех: к 1990-м годам новая волна преступности, захватившая даже подростков, никого уже не могла оставить равнодушным. Тем более что в эти годы, отмеченные небывалым взлетом криминальных группировок во всем мире, не раз вспыхивали войны между отдельными кланами, в которых пощады не было никому, даже 12-летним детям. Итальянский священник Пино Пульизи в одной из своих проповедей пытался выявить причину преступности, видя ее прежде всего в низком социальном развитии общества. Взывая к властям, он говорил: «Многие подростки избегают обязательного школьного образования и выбирают своей учительницей улицу. Они становятся жертвами волны насилия, спастись от которой очень трудно». К несчастью, это был глас вопиющего в пустыне. В 1993 году Пульизи был убит.

Давно известны прочные связи сицилийской и американской мафий, существующие с начала XX века. (Видимо, это явление универсально, поскольку в настоящее время связи мафиозных кланов преодолевают границы между государствами). Американский журналист Эд Рейд утверждал, что в США мафия была «экспортирована» с Сицилии, и невероятно удивлялся, как явление, присущее отсталому обществу, так широко распространилось в стране развитого капитализма. На самом же деле вывод довольно прост. Мафия обладает высочайшей степенью живучести и приспособляемости, тем более что и ведет она себя, словно копируя до мельчайших деталей систему капиталистических отношений, правда с одним различием. Если капитализм прежде всего производит, хотя по большей части волчьими методами, то мафия не производит ничего, исключая наркотики.

Международные связи мафии в настоящее время крепки как никогда. Триумфальное шествие мафиозных кланов началось по окончании Второй мировой войны, невероятно укрепилось в 1990-е годы благодаря присоединению к ним латиноамериканских и российских криминальных группировок. Теперь с одного конца планеты на другой перекачиваются поистине фантастические суммы денег, принадлежащих мафии. Интересы кланов постоянно пересекаются, а значит, у них просто не существует иного выхода, как стать своего рода транснациональной корпорацией.

Глава 1.

«Вы – наши братья...У ваших семей может быть совсем другая жизнь». Итальянская мафия

Сицилийская мафия одной из первых доказала, до какой степени недееспособным может оказаться государство и закон и как правительственные структуры могут оказаться по сути сообщниками криминальных групп. Ярким примером тому служит жизнь знаменитого Вито Геновезе, ставшего героем мирового бестселлера Марио Пьюзо «Крестный отец», где он выведен под именем Вито Корлеоне.

Этот человек, сицилиец, находился в своем родном городе, когда его попытались арестовать за убийство, совершенное в Америке. Один из особо рьяных полицейских, воспользовавшись поддержкой англичан, пытался арестовать его, причем обнаружил при аресте Геновезе рекомендательные письма, и в каждом говорилось, что этот всем известный мафиози «глубоко порядочный, достойный доверия, лояльный, которого можно использовать для любой работы». Так что получалось – полицейский глубоко неправ, в чем вскоре и убедился. Арестовав «человека чести», он был вынужден полгода просто таскать его повсюду за собой, поскольку ни итальянские, ни американские власти не выказывали желания отправить «крестного отца» за решетку. Тем временем свидетели обвинения в американских тюрьмах умирали загадочным образом, а полицейский так и не смог исполнить свой долг: закон обязал его освободить порядочного человека Вито Геновезе...

Кадр из фильма «Крестный отец»

Томмазо Бускетта. «Человек чести» в полном смысле слова.

Тюрьма Уччардоне в Палермо выглядела устрашающе: три ее грязных высоких блока высились между бетонной автострадой и кучкой обшарпанных нищих домишек, где проживали те, кто был не в состоянии позволить себе лучшее жилье. Тюрьма ничуть не изменилась за последние сто лет; разве что окончательно разрушилась статуя Мадонны, когда-то стоявшая посреди тюремного двора, а теперь валявшаяся на нем обломками, которые никому и в голову не приходило убрать.

В 1972 году здесь находилось немногим более тысячи заключенных, которых без труда можно было поделить на две группы. Первая, относившаяся к тем, кого герой Леонардо Шаши называл «полулюдьми», состояла из неграмотных опустившихся преступников. Их действительно не считали за людей и обращались соответственно. Они содержались в камерах, рассчитанных на двоих, но, однако же, вмещавших порой до 6 человек. Но, как считали тюремщики, «полулюди» большего и не достойны. Вторая же группа, достаточно малочисленная, сохраняла все человеческие права и претендовала на уважение и удобства, которые им и предлагали в той мере, что может предоставить тюрьма.

Достойные люди содержались в одиночных камерах, имели собственных секретарей, которые одновременно исполняли обязанности телохранителей и, помимо этого, тщательно следили, чтобы белье на постелях заключенных содержалось в идеальной чистоте, а еда доставлялась отнюдь не с тюремной кухни, а из лучших городских ресторанов.

Ко второй категории заключенных относился и 40-летний человек, в движениях которого чувствовалась уверенность в себе, – Томмазо Бускетта. В чертах его бронзового от загара лица было нечто неуловимо индейское: резкие и властные очертания, несколько грубый нос – следствие неудачных действий потрудившегося над ним в Америке хирурга-косметолога. На всех он производил впечатление человека преуспевающего и добившегося в жизни многого. Этот имидж поддерживал и сам Бускетта, приговоренный к 10 годам заключения. Он отродясь не обладал отменным вкусом в выборе одежды: носил чрезмерно яркие сорочки, на которых, однако, неизменно красовалась его монограмма. Никто не сказал бы, что и излюбленные им джинсы всегда сидели на нем как влитые, однако этот недостаток с лихвой искупался торговыми марками, свидетельствующими, что созданы они лучшими модельерами.

Томмазо Бускетта в тюремной камере

Этот заключенный предусматривал каждую мелочь: мыло, зубная паста, не говоря уже о лосьоне после бритья или туалетной воде, были неизменно высшего качества. При этом

Бускетта не привык до конца использовать туалетные принадлежности и, опустошив тот или иной флакон едва ли до половины, небрежно передавал его другому заключенному, рангом пониже. А зачем ему следовало об этом заботиться, если немедленно после исчезновения очередного флакона невидимая рука ставила на опустевшее место точно такой же?

Его и уважали, и боялись, причем вовсе не из-за его по-королевски широких жестов. Все знали: Бускетта заключен в тюрьму из-за его принадлежности к мафии. «Это просто миф, будто я жесток и опасен, – безразлично говорил Бускетта. – Люди чувствуют и боятся гордого и независимого характера. Только поэтому на меня смотрели с опаской и заключенные, и полицейские. Но самое удивительное: чем спокойнее и увереннее в себе я держался, тем больше меня боялись. Что ж, сдержанность часто принимается за демонстрацию могущества, которую к тому же подкреплял миф о моих многочисленных преступлениях, большинства из которых на самом деле я не совершал. Я даже не пытался никогда настаивать на собственной невиновности: мне все равно никто не верил».

Бускетта словно иллюстрировал притчу о курах Малербы. Он утверждал, что мафии не существует и уж он-то точно к ней не принадлежит, а все понимали как раз обратное: он опасный мафиози.

И не так уж были недогадливы «куры-полулюди»: вся жизнь Бускетты была связана с мафией Палермо. Он родился в почтенной семье, но уже с юных лет понял, что работа честного стекольщика, каковым являлся его отец, – не его стезя. Его неудержимо притягивала улица и сомнительные компании, где он мог почувствовать себя настоящим мужчиной. Родители пытались бороться с такими наклонностями сына, но натолкнулись на глухую стену отчуждения. Томмазо предпочел порвать с ними навсегда, но не жить так, как они, считая каждую копейку.

Свой жизненный путь Бускетта выбрал окончательно и бесповоротно, когда его, 22-летнего молодого человека, наконец приняли в одну из наиболее крупных семей – Порта Нуову. Таким образом, его мафиозный стаж исчислялся не одним десятилетием. День своего посвящения, состоявшийся в 1948 году, Томмазо запомнил на всю жизнь.

В то время в мафии еще сохранялся старинный церемониал посвящения, который проводился в одном из кварталов, контролируемых кланом Порта Нуова. Томмазо ужасно волновался, в то время как два его свидетеля, напротив, выглядели совершенно невозмутимыми: для них проникновенные речи посвящающего были не в новинку. Почти как во времена дремучего Средневековья, посвящающий говорил о том, как важно их братство, ибо цель его благородна – уничтожение социальной несправедливости, защита всех слабых и обездоленных. Далее Бускетту спросили, готов ли он отдать жизнь на борьбу с несправедливостью? Еще бы, конечно, он был согласен всей душой.

Когда прозвучал утвердительный ответ новичка, к нему приблизился один из свидетелей и, взяв его за руку, уколол палец колючкой апельсинового дерева. Кровь брызнула из пальца Томмазо на образок Мадонны, который свидетель немедленно поджег, в то время как новичок, опасаясь обжечься, перекидывал испачканную кровью иконку из руки в руку, произнося чуть дрожащим голосом заученную клятву: «Пусть моя плоть сгорит так же, как этот священный образ, если я когда-нибудь нарушу мою клятву».

Томмазо помнит, что в тот момент он больше всего боялся, что посвящающий сразу же поцелует его в губы. Этот «поцелуй смерти» пугал его, как ничто другое. Однако ему повезло, и, вместо того чтобы немедленно приступить к испытаниям неофита на прочность, ему объяснили, что теперь он принадлежит к могущественной организации – «Коза Ностра», которая по сути представляет собой жесткое тоталитарное государство, ветвящееся, подобно щупальцам спрута, по всему миру, а количество «граждан» этого невидимого государства исчисляется десятками тысяч. Растолковали ему и что такое семья, что действие ее распространяется на конкретные территории, в большинстве своем представляющие собой неболь-

шие населенные пункты, и название одного из таких пунктов становится наименованием этого клана.

В тот день узнал Бускетта и об иерархии внутри семьи, во главе которой стоит капо, которому положено иметь не более трех заместителей, которых он избирает по своему усмотрению. Далее идут командиры отрядов, командующие бойцами.

После того как Томмазо получил представление о том, членом какой организации он только что стал, его привели в другую комнату, где новичка дожидался сын капо Сальваторе Филиппоне, на которого была возложена обязанность провести церемонию представления.

Первые годы пребывания в семье Бускетта вспоминал с какой-то трогательной ностальгией. На него произвел необычайное впечатление глава Порты Нуовы – Гаэтано Филиппоне, которого самые близкие друзья за глаза прозвали «человек-брюхо». На самом же деле он был просто величественен, этот 70-летний старик, прекрасно осознающий безграничность собственной власти. Он так никогда и не воспользовался своим преимуществом – иметь личный автомобиль и охранников. Он никого и ничего не боялся, а потому передвигался по Палермо в городском транспорте, вероятно ощущая себя в эти минуты феодалом в собственной вотчине. Что же касается его заместителей, то Томмазо буквально преклонялся перед ними, поскольку больше никогда в жизни он не встречал подобной утонченности и врожденного благородства. Как они не походили на жуликов, с которыми постоянно приходилось иметь дело Бускетте!

Семья Порты Нуова действительно отличалась патриархальностью и крайней разборчивостью, когда дело доходило до приема новичков. В результате в ее состав входило не более 20 человек, и по сравнению с прочими криминальными семьями Порты Нуова на первый взгляд казалась буквально бедной родственницей.

Однако положение представлялось таковым исключительно с первого взгляда. С Порты Нуовой на самом деле было связано множество людей, хотя и не прошедших обряда инициации, но так или иначе помогающих клану. Порой они облегчали проведение той или иной операции, в то время как сами и понятия не имели, что именно делали. Вероятно, в этом сказывалась мудрость и дальновидность главы семейства – Гаэтано Филиппоне. Когда Бускетта увидел все это своими глазами, он понял, на чем зиждется могущество и непобедимость мафии. «Вероятно, это и значит – проницаемость», – сделал он для себя вывод.

Вскоре, впервые оказавшись в тюрьме Уччардоне, Томмазо Бускетта познакомился и подружился с человеком, благодаря которому вся его жизнь приобрела совсем иное направление, изменилась так круто, что он даже и представить себе этого не мог. Этим человеком оказался 20-летний Стефано Бонтате, сын одного из крупных итальянских мафиози, а ныне сам глава семьи Санта-Мария ди Джезу. Его отец, серьезно больной диабетом, больше не мог исполнять свои обязанности, и на совете клана было единогласно решено, что самым мудрым и надежным преемником старого Бонтате станет его сын. Тот и вправду был заботливым сыном и преданным братом (тот также унаследовал диабет, вследствие которого ослеп, хотя болезнь и не мешала ему торговать героином).

Стефано Бонтате трогательно заботился о больных родственниках и, кажется, оказался отличным другом, а это последнее качество в глазах Бускетты являлось очень ценным, ибо истинная дружба крайне редка, и Томмазо полагал, что умеет ее ценить. Стефано уверял Томмазо, что считает честью для себя помочь ему, он ни в чем и никогда не смог бы отказать своему другу. Его бескорыстие казалось безграничным. Так, когда дочь Томмазо решила выйти замуж, отец немедленно обратился за помощью к Стефано, поскольку тот, помимо прочего, владел несколькими магазинами готового платья. Дочь Бускетты явилась в магазин и, обратившись к управляющему, назвала только имя своего отца. Этого оказалось достаточно, чтобы через минуту она получила роскошный наряд, стоивший, как минимум, 1000 долларов. Таких денег на свадебное платье девушка никогда не нашла бы при всем желании.

Думается, что восхищение, которое Бонтате испытывал к своему другу, было действительно искренним. Он знал, что большинство других уважаемых «людей чести» так же, как и он, относятся к этому человеку из Порты Нуовы. Немногие смогли, подобно Бускетте, так быстро взлететь по иерархической лестнице. Придя в мафию в 22-летнем возрасте, через три года Томмазо уже был командиром отряда с безупречной репутацией. Полиция пристально наблюдала за ним не менее 10 лет, однако Томмазо так хорошо умел прятать концы в воду, что его трудно было хоть в чем-то уличить. Правда, при большом желании ему можно было бы приписать какие-то мелкие незаконные сделки, однако ни на чем серьезном он не попался. Почти ни для кого не являлось секретом, что за ним числится два убийства, однако как это доказать? Доказательств виновности у «сборов», как мафиози называли полицейских, просто не существовало.

Бускетта запросто общался с главой клана Чакулли Сальваторе Греко и даже с самим главой Капитула, был близок к живой легенде – Луиджи Лучано, или Счастливику Лучано, от которого так лихорадило весь Нью-Йорк во времена сухого закона. Лаки Лучано в 1950-х годах решил обосноваться в Неаполе, где успешно занимался контрабандой наркотиков и сигарет. Встречаясь с Бускеттой и с удовольствием беседуя с ним, Счастливчик много рассказывал ему об организации американской мафии, ее сходстве и различии с сицилийской. Оказалось, что сходства между криминальными организациями разных континентов гораздо больше, нежели различий. На Сицилии кланов было несколько десятков, и порой схватки между ними вспыхивали из-за какого-нибудь несчастного клочка земли, тогда как в огромном Нью-Йорке существовало всего-навсего пять группировок. Что же касалось прочих крупных американских городов, то контроль в них осуществляла всего одна группировка.

И все же одно большое различие Лучано подметил и не преминул его немедленно исправить. Американская мафия, как и всякое государство, имела собственное правительство, благодаря которому могли решаться многие спорные вопросы. На Сицилии же этого не было. Счастливчик приложил все силы к тому, чтобы итальянские мафиози призадумались, и вскоре по его инициативе в 1960-х годах и это различие было устранено.

И надо же – словно по иронии судьбы – едва правительство сицилийской «Коза Ностры» вступило в свои права, как в Неаполе началась первая крупная война между разными кланами, в результате которой кровь на улицах города проливалась в течение трех лет.

О причинах этой войны можно было только догадываться, однако, по наиболее приемлемой версии, ею стал груз наркотиков, предназначенный для американцев и разворованный итальянцами. Но Томмазо Бускетта имел свое мнение по поводу причин этой ужасной войны. Он видел, что каждый раз заседания Капитула проходят все более возбужденно. Он видел, как рвутся к власти молодые волки, недовольные засильем стариков в кланах. Они хотели перемен, они жаждали большей свободы, им были тесны рамки патриархальных отношений в тех формах мафии, которые существовали на тот момент.

Одним словом, не хватало всего лишь небольшого толчка, чтобы уже взведенные курки начали действовать, и таким толчком, по словам Бускетты, стал такой невинный факт, как любовь в недрах мафии на манер Шекспира. Дело в том, что юный боец из Порты Нуовы, Ансельмо Розарио, всерьез влюбился в сестру Рафаэле Спины, имевшего солидный иерархический статус в семье Ноче. Как и подобает честному человеку, он сделал предложение девушке, однако ее брат решительно воспротивился подобному союзу. «Моя сестра никогда в жизни не выйдет замуж за человека столь низкого происхождения», – заявил он.

Семья Порты Нуова не смогла оставаться в стороне, когда речь шла о счастье двух влюбленных, и немедленно собрала совет. «Ансельмо, – сказали юному бойцу, – будь мужчиной, и, если родственники твоей любимой не согласны на брак, ты вправе похитить ее и

обвенчаться на любом из тихих островов около Сицилии». Возможно, этот совет дал сам Бускетта, но против подобной идеи не высказался никто.

Молодой и горячий Ансельмо не стал долго раздумывать, тем более что и сам уже был готов на все, а получив благословение свыше, решил, что дело не стоит откладывать в долгий ящик, и вскоре стал женатым человеком, как и подсказали ему товарищи. Рафаэле Спина в глубине души метал громы и молнии, но виду не подавал. Его вроде бы даже вынудили признать этот брак, который «человек чести» Ноче упрямо считал мезальянсом. Он затаился на время, но поклялся, что еще скажет свое слово в этом деле, поскольку с его мнением не посчитались, а значит, оскорбили его достоинство, его семью, что для любого сицилийца непростительно.

Спина понимал, что не может действовать в открытую и просто убрать неугодного ему мужа сестры: Порта Нуова немедленно развернула бы настоящие боевые действия против Ноче. А что если поступить иначе и на правах нового родственника забрать Ансельмо под свое начало? Это казалось гораздо остроумнее, и Рафаэле Спина отправился к Кальчедонио де Пиза, главе клана Ноче, подробно изложив ему свои обиды и просьбы. Де Пиза не мог остаться равнодушным к обиде, нанесенной его подчиненному, и на первом же заседании Капитула потребовал, чтобы Ансельмо перешел в подчинение Ноче, соответственно оставив свой дом в районе, контролируемом Порта Нуовой. Известно, что решение Капитула – закон, и боец Порта Нуовы был вынужден обосноваться в пригороде Ноче.

Теперь уже Порта Нуова чувствовала себя оскорбленной: еще бы, ведь при посвящении судьба Ансельмо уже была predetermined, и это закон, а теперь его заставили сменить семью, а это почти то же самое, что сменить родителей, – вещь дикая и совершенно неприемлемая. Кстати, и Сальваторе Лабарбера, представлявший собой главу Капитула, дал понять, что вполне согласен с Порта Нуовой, но что он мог поделать, если против него стояло большинство?

И что можно было возразить в ответ Кальчедонио де Пиза: ведь тот тоже говорил о кровных связях, которые должны стоять превыше всего. Однако глава Ноче поступил немного опрометчиво. Вскоре, по своему обыкновению направляясь к табачному киоску на площади Кампо Реале в Палермо, он увидел на городской площади молодого человека с охотничьим ружьем, который даже и не думал скрываться. Он стоял и спокойно ждал приближающегося к нему самоуверенной походкой капо, а когда тот оказался на расстоянии, наиболее удобном для выстрела, вскинул ружье и, почти не целясь, нажал на курок. Кальчедонио де Пиза рухнул на мостовую с простреленной головой, а убийца спокойно удалился с видом исполнившего свой долг человека. Никому из проходящих мимо даже в голову не пришло не только остановить его, но даже сообщить в полицию об убийстве.

«Закон омерта» действовал в Палермо безукоризненно. Убийца так и остался неизвестным, свидетелей не было, или они ничего не помнили. «Это был молодой человек без особых примет, – говорили они в полиции. – На улицах таких можно встретить тысячи».

Естественно, что семья Ноче немедленно предъявила претензии Порта Нуове. По их мнению, только они могли желать смерти их капо, чувствуя себя обиженными за то, что у них так бесцеремонно отобрали бойца. Бускетта утверждал, что к убийству ни он, ни кто-либо из его клана или даже союзников не причастны, но ему отчего-то никто не верил. «У Кальчедонио было много недоброжелателей, – говорил он. – Наверняка заказчиком был кто-то в самом Капитуле, тот, кто был заинтересован совершенно отстранить Ноче от дел». И все же дело принимало все более серьезный оборот, а оправдываться, похоже, не имело смысла, поскольку, казалось, кто-то уже все решил заранее и захотел одним ударом убрать как Ноче, так и Порта Нуову.

Впервые Бускетта чувствовал, что ничего не сможет изменить. Вновь пришлось собирать экстренное заседание Капитула. И не то, чтобы члены Капитула напрямую обвиняли

Порта Нуову в убийстве главы Ноче, нет, из них никто вроде бы не был виноват, однако появились сведения, что произошедшее – дело рук союзников этого клана, семьи Палермо-Чентре. Назвали и имя того, кто, по-видимому, являлся организатором: глава Палермо-Чентре Анджело Лабарбера, молодой человек, известный своей непримиримостью и беспощадностью по отношению к тем, кого считал врагами. Анджело действительно находился в близких отношениях с Порта Нуовой и воспринимал проблемы этой семьи как свои собственные.

Естественно, что «братья» Анджело из Порта Нуовы взволновались не на шутку и оказались правы. Заседания Капитула все больше стали напоминать судебный процесс. В числе прочих обвиняемых прозвучало наконец имя Гаэтано Филиппоне, внука главы Порта Нуовы и полного тезки своего высокопоставленного мафиозного родственника. Дед немедленно вступился за внука, поставив на карту свое слово, а значит, саму честь, убеждая Капитул, что Гаэтано в деле об убийстве главы Ноче не замешан, но его никто не слушал. Напротив, были вынесены суровые санкции против Порта Нуовы, а именно – распустить ее. В тот день Томмазо Бускетта понял: кланы Палермо стоят на пороге большой войны и, пожалуй, в сложившейся ситуации лучше скрыться или подать в отставку, иначе будет слишком поздно: он чувствовал нависшую смертельную опасность, как опытный хищник, всей кожей.

К счастью для него, вскоре Бускетте представилась возможность покинуть страну, ставшую для него опасной. Как ни странно, помогла ему полиция, которая, хотя на протяжении не одного десятка лет действовала либо робко, либо неумело, но все же решилась взяться за Бускетту, предъявив ему обвинение в давней контрабанде сигаретами, а заодно отобрав паспорт.

Последнее действие полиции Томмазо не понравилось больше всего. «Я – честный потомственный стекольщик, – нагло заявил он “сбирам”. – Отобрав паспорт, вы не даете мне возможности честно зарабатывать на кусок хлеба». Ошеломленный полицейский все же нашел в себе силы поинтересоваться, зачем паспорт нужен во время резки стекла. «Меня не устраивает качество итальянского стекла, и мне приходится искать материал для работы в Бельгии и во Франции», – немедленно отпарировал Бускетта. Однако полицейский оказался на редкость упорным и паспорт не отдал. Это не удержало Бускетту от решения убраться за границу, но с тех пор он привык путешествовать под чужим именем, в чем, впрочем, вскоре обнаружил некоторые приятные преимущества.

Таким образом, о войне, обогрившей кровью улицы Палермо, Бускетта узнал, уже находясь далеко от этой горячей точки, в Мексике. Он услышал об исчезновении Сальваторе Лабарберы, главы Палермо-Чентре, того самого, который так рьяно отстаивал в Капитуле интересы Порта Нуовы. Этого представителя Капитула так и не нашли, и, хотя все знали, что произошло убийство, это преступление до сих пор осталось загадкой. В то же время Бускетта сделал вывод: Лабарбера был просто негоден кому-то из верховных членов Капитула, поскольку ни одна группировка не решилась бы на такие жестокие меры: в этом случае все ее члены немедленно попали бы под удар и не было бы пощады никому. Видимо, речь шла о переделе мафиозной власти.

Смерть Лабарберы стала сигналом к тому, чтобы на весь клан обрушились чудовищные репрессии. Пожалуй, больше других повезло Анджело Лабарбере. Он попал в засаду, находясь вдали от своих «братьев», на другом конце Италии, но взять его было не так просто. Анджело являлся профессионалом и только поэтому остался жив, но получил тяжелое ранение. В то же время его люди в Палермо в течение нескольких месяцев были методично перебиты. В живых не осталось никого из клана Палермо-Чентре.

Пострадали в том числе и члены Капитула, принадлежавшие к этой семье, причем очень влиятельные. Так, баснословно разбогатевший на контрабанде с Америкой Чезаре Манцелла, державший в страхе все западное побережье Палермо, однажды утром, выйдя из

своего владения в Чинизи, сел в автомобиль, после чего взрывом его буквально разнесло на куски. Таким же образом собирались убрать и Сальваторе Греко по прозвищу Пташка, но ему, генеральному секретарю Капитула, просто крупно повезло. Еще один секретарь Капитула, узнав о подобных историях, всерьез начал опасаться за свою жизнь – настолько, что обратился к помощи полиции. Он попросил осмотреть его автомобиль. Карабинеры прибыли на место, действительно нашли взрывчатку и успокоились было, полагая, что с честью выполнили свою обязанность, но в этот момент грянул взрыв. Наверное, этим несчастным семерым карабинерам не хватило профессионализма. Они не сумели предусмотреть возможных ловушек и заплатили за это собственными жизнями.

Тем временем Бускетта переезжал из Америки в Канаду и из Колумбии в Бразилию. Он успел завести прочные связи с контрабандистами самого разного калибра, но, видимо, главным образом крупными. Он пользовался славой «кокаинового князя», о чем знали американские власти, не раз пытавшиеся задержать его, но, как и прежде, Томмазо, как профессионал высочайшего класса, не оставлял улик. Лишь в 1970 году бразильская полиция сумела арестовать его и выдать Италии за мелкие преступления, которые числились за ним еще с 1950-х годов.

В Уччардоне Бускетта узнал, что, по слухам, его вторично лишили звания «человека чести». Первый раз это произошло, когда Капитул распустил Порта Нуову, теперь же Томмазо обвиняли в нарушении мафиозного закона. Дело в том, что разводы в Италии были разрешены только в 1970-е годы, тогда как Томмазо успел жениться несколько раз, а это было серьезным нарушением в глазах «Коза Ностры».

Что делать? Томмазо действительно любил женщин. Впервые он женился в 27 лет, прожил несколько лет в мире и согласии с супругой, после чего решил: сеньора Мелькьорра – замечательная женщина и хорошая мать для его четверых детей, но ему этого мало.

Переехав в Америку под чужим именем, Томмазо женился на очаровательной Вере Джиротти. Правда, об оставленной семье он тоже не забыл: перевез и Мелькьорру, и детей в США, чтобы иметь возможность помогать им материально, но отказавшись при этом делить с ними кров. Оказавшись в Бразилии и вновь под чужим именем, Томмазо женился снова, теперь уже на Кристине Джимарес.

Попав в Италию, он был вынужден распутывать семейный клубок, ставший уже притчей во языцех, и решил проблему следующим образом: развелся с Мелькьоррой и официально, уже под собственным именем женился на Кристине. Быть может, он полагал, что Бог троицу любит и при этом третье – всегда оптимальный вариант, как в сказке, но уже это ярко свидетельствовало о том, что Бускетта относится к тем людям, что хотят и умеют пользоваться всеми прелестями жизни.

Неужели же за это Томмазо заслужил официальную отставку? Он не хотел в это поверить, тем более что большинство «людей чести», отбывавших срок в Уччардоне, общались с ним по-прежнему. В то же время, если бы свидетельство об отставке оказалось правдой, к нему были бы обязаны относиться как к изгою. Впрочем, при желании подобное отношение к отставленному могли выражать люди просто смелые по своей сути. Итак, большинство мафиози считали за честь быть представленными Томмазо, и только двое отказались это сделать. Самое обидное, что эти двое принадлежали к родной семье Бускетты – Порта Нуове.

Это очень обеспокоило Томмазо, тем более что глава клана не спешил принять участие в его судьбе: не искал хорошего адвоката, не заводил речи и о денежной компенсации, положенной в этом случае «человеку чести», оказавшемуся в заключении. Когда Томмазо оставалось всего несколько месяцев до освобождения, глава клана Чинизи, по мнению Бускетты человек с отвратительными манерами, Гаэтано Бандаламенте, передал ему, что вопрос о его исключении из рядов «людей чести» действительно решался и за его отставку высказался

сам новый глава семьи Порта Нуовы Пиппо Кало. Правда, добавил он, единого мнения на этот счет не было: голоса разделились примерно поровну.

Выслушав эту новость, Бускетта почувствовал себя униженным. Еще бы: ведь это он сам когда-то принимал в Порта Нуову Пиппо Кало, а теперь он, обязанный Томмазо очень многим и сделавший под его руководством свои первые шаги, а значит, обязанный хотя бы уважать его.

Вопрос требовал немедленного выяснения, и Бускетта, воспользовавшись многочисленными тайными каналами, потребовал от Пиппо Кало ответа. Тот заявил, что никогда даже не думал об исключении Томмазо. Что же касается Бандаламенте, то он откровенно назвал того грязным лжецом, или траджедьятури.

Это было по-настоящему страшное слово в устах главы клана. Дело в том, что в среде мафиози четко установлено: то, что сказано в присутствии двух человек, – это правда. При этом он не обязан высказываться о подобных себе «людях чести», но уж если он это сделал при свидетелях, то подлежит наказанию. Траджедьятури, как правило, получал смертный приговор.

Бускетта не знал, что и думать, – ведь когда получаешь какие-либо сведения от дона другого клана, недоразумений подчас не избежать. Единственное, что он понимал, – вокруг него происходили вещи совершенно непонятные. Его смутные подозрения укрепились, когда глава семьи Риези Джузеппе Ди Кристина сказал ему с глазу на глаз: «Вам нужно срочно навести порядок в делах. Вас очень много критикуют...»

В 1980 году Томмазо освободили, но обязали полицию Турина неотступно за ним следить. И за ним следили, нисколько не пытаясь даже маскироваться, постоянно спрашивали документы, добавляя при этом неизменную фразу: «Настоятельно советуем вам убираться из Турина, пока не поздно». Когда же возмущенный поведением «сбиров» Томмазо обратился за помощью к людям, которые раньше никогда ему не отказывали в этом, те, воздев руки к небу, ответили: «Как же возможно запретить полиции делать то, что им положено?».

Томмазо ничего не оставалось, как вернуться в Турин в полной растерянности. Он так и не смог решить своих дел: он не знал, как относиться к своему дону Пиппо Кало, он понятия не имел, почему бывшие «братья» оказали ему подобный прием и как расценивать поведение этого грубого Бандаламенте. О безумной игре, которая велась в недрах Капитула и о которой он узнал значительно позже, потеряв буквально все и, главное, веру в правильность собственной жизни, Бускетта узнал немного позже...

Стефано Бонтате. Время предательства.

Стефано Бонтате по прозвищу Сокол с некоторой тоской смотрел на дорогу из окна своего автомобиля. Повсюду, куда бы он ни обратил взгляд, его встречал скудный и безрадостный сицилийский пейзаж: чахлые деревья и пыльные безлюдные дороги, по которым он вынужден был регулярно ездить вот уже в течение трех лет. Никакого удовольствия от путешествия Стефано не испытывал, да и не мог испытывать, тем более что по мере приближения к поселку Чакулли чувство внутреннего напряжения непроизвольно в нем нарастало. Он миновал развалины старой церквочки, когда-то претендовавшей на стиль барокко, с отвращением посмотрел на неизменную рекламу спагетти, конечно же, как всегда, лучших в мире, проехал мимо заброшенной станции техобслуживания и наконец попал на такую знакомую дорогу. До Чакулли оставалось чуть больше пяти километров.

Стефано было прекрасно известно, что в этом захудалом на вид поселке практически никто из посторонних людей не останавливается. Даже на картах этот населенный пункт никак не обозначен; да и зачем, если здесь проживает не более тысячи человек, а неказистые домишки скрываются от случайных взглядов при вечно закрытых вылинявшими от солнца ставнями; если здесь невозможно увидеть ни одного магазина (все необходимое для жизни жители поселка получают от торговцев, распродающих свои товары прямо из автомобилей).

Стефано по доброй воле ни за что не стал бы со столь завидной регулярностью посещать подобное место, контролируемое одной из самых жестоких мафиозных кланов, если бы здесь не обосновался глава клана Чакулли и генеральный секретарь Капитула Микеле Греко. Его владения скрывались под скромной надписью «Земельное владение Фаварелла».

Стефано миновал дорогу, на которой едва ли могли разъехаться два автомобиля, мимо высоких и пыльных бетонных стен, за которыми виднелась сочная зелень лимонных и апельсиновых деревьев, пересек проселочную дорогу по направлению к массивным воротам и остановил машину неподалеку от обычного дома, единственным украшением которого являлся портик с золотыми инициалами «М. Г.».

Его не интересовало обширное стрельбище, устроенное хозяином, который был большим любителем пострелять и даже какое-то время являлся членом сборной Италии по стрельбе. Он никогда не заходил в лабораторию, где производился героин, так надежно спрятанную среди лимонных плантаций. И уж тем более Стефано никогда не принимал участия в роскошных банкетах, которые так часто любил устраивать хозяин поместья для «людей чести».

Конечно, он знал, что члены Капитула на подобных банкетах – частые гости. Им это было очень удобно, так как путь от Чакулли до Палермо занимал всего каких-нибудь 10 минут, а полиции отчего-то даже в голову не приходило проверять благополучное земельное владение, хозяина которого, по официальной версии, интересовали исключительно лимоны и апельсины. Неужели у него так часто собирались такие же любители цитрусовых на своих неизменных БМВ – излюбленном средстве передвижения «людей чести», для которых этот автомобиль, пока еще не бронированный, сделался своеобразной визитной карточкой?

Дом генерального секретаря Капитула по внутреннему убранству на первый взгляд казался весьма скромным, выдавая склонность хозяина к античному стилю. Пожалуй, исключением могла считаться только ванная комната, отделанная с не-обыкновенной роскошью. Комнаты же были столь небольшого размера, что невозможно было даже представить, чтобы здесь хоть где-нибудь мог собраться Капитул в полном составе, и все же это происходило.

Дело в том, что в одной из стен жилища находился тайник. Стоило отодвинуть в сторону керамическую плитку, как за ней открывался проход, достаточно большой, чтобы в него мог пройти человек солидной комплекции. Этот проход вел на темную лестницу, сделанную из неотесанного камня, и спускаться по ней приходилось, только освещая себе дорогу фонариком.

Спустившись по ступеням лестницы, гости попадали в коридор, спускавшийся вниз и приводивший непосредственно в огромный зал. По своим размерам этот зал был больше, чем все комнаты дома, даже если бы кому-то пришло в голову их объединить. Солнечный свет проникал в этот зал сквозь щели, в которые можно было увидеть хозяйские плантации, вечером освещался факелами.

Здесь определялась политика всех мафиозных кланов Палермо, сюда прибывали высокопоставленные гости. Здесь нередко бывал и Стефано Бонтате. Хозяин сделал все возможное, чтобы обезопасить своих гостей от неожиданного вмешательства полиции, даже несмотря на то что подобные инциденты пока не имели места. От зала, расположенного под жилищем Микеле Греко и устроенного в древнем каменном карьере, расходилось множество извитых переходов и тайных ходов, при помощи которых можно было спокойно уйти при визите нежданных гостей. Кроме того, большинство ходов вели в небольшие каморки, предназначенные для укрывательства от полиции бойцов «Коза Ностры». В этих комнатенках на полу в беспорядке валялись матрацы, а стены усеивали огарки свечей.

Самое интересное: генеральный секретарь Капитула вообще не жил в этом доме: у него было несколько отличных вилл, также надежно скрытых от посторонних глаз яркой зеленью лимонных деревьев. Этот невысокий человек не боялся никого и ничего, абсолютно уверенный в собственной безнаказанности. Свои владения он озирает как король и считал, что имеет на это полное право. И на самом деле, в среде мафиози Микеле Греко считался потомком знатной семьи. Его двоюродным братом был знаменитый Сальваторе Греко (Пташка), заправлявший делами сицилийских кланов в 1960-е годы, но о своем родственнике Микеле Греко предпочитал вовсе не упоминать.

Он являлся по натуре диктатором и установил в мафии такие жесткие правила, что пребывал в полной уверенности: никто из работающих на него никогда не решится вслух произнести его имя, особенно в полиции, подобное преступление каралось смертью. Микеле Греко со страхом и уважением называли Папой. Впрочем, что касалось Сокола – Стефано – то он подобного не испытывал, поскольку обладал способностью думать и к тому же он был единственный, кто открыто противоречил всемогущему Папе. А дело было в том, что Стефано первым заметил, что после прихода к власти Папы дела его клана – Санта-Мария ди Джезу – идут совсем по-другому, и причиной была отнюдь не неприязнь нового главы Капитула лично к Бонтате. Он собирался, по мнению Стефано, устроить переворот в мафиозном государстве, он чувствовал, что находится на пороге того времени, когда принципы, которым он привык следовать всю жизнь, будут извращены Папой до неузнаваемости.

Вероятно, именно поэтому Микеле Греко и не любил, когда при нем упоминали имя его родственника – Сальваторе Греко – Пташки. Стефано, со своей стороны, преклонялся перед этим человеком и всегда считал себя его духовным наследником. Он не был лично знаком с Пташкой, но, находясь в тюрьме вместе с Томмазо Бускеттой, просил того как можно больше рассказывать ему о Сальваторе: ведь Томмазо был очень близок к Пташке. По крайней мере больше никому Сальваторе Греко не открывал свою душу; он сделал подобное исключение только для Бускетты, хотя тот и был в 1960-е годы обычным бойцом.

Стефано больше всего беспокоил вопрос, почему в начале 1960-х годов вспыхнула первая кровавая война между представителями мафиозных кланов, и Томмазо ответил ему на это: «Пташка бросил все, потому что понимал: он ничего не сможет изменить в сложившейся ситуации. Начался не просто передел власти: из “людей чести” стали делать обыкновенных

преступников. Воспитанный в патриархальных традициях строгой морали, Пташка не хотел видеть, во что превращается организация, в которую он вложил столько сил, и потому решил оставить все дела и исчезнуть. А что ему оставалось делать?».

«Что же можно считать началом кризиса?» – продолжал спрашивать Стефано, и тогда Томмазо рассказал ему все, что знал. Все началось с преступления, равного которому до той поры мафия просто не знала. Лучано Леджо, член клана Корлеоне, не скрываясь ни от кого, убил собственного дона – злобного, грубого и властного Микеле Наварру. Естественно, что Капитул не мог оставаться в стороне, и Сальваторе Греко немедленно вызвал к себе Леджо, потребовав от того объяснений.

Леджо держался с исключительной наглостью. Он заявил, что имел на то причины личного характера, однако его правоту может подтвердить некий мафиози. «Тогда пусть он подтвердит это передо мной», – мрачно произнес Пташка. Однако этот некий мафиози буквально на следующий день исчез бесследно, навсегда, в результате чего его встреча с Сальваторе Греко оказалась, само собой разумеется, невозможной. Пташка был не просто в бешенстве. Он понял, что имеет дело с гораздо более крупным хищником, нежели он сам, и, пожалуй, эмиграция станет для него оптимальным решением...

Вскоре все сицилийские мафиози поняли, что Лучано Леджо действительно страшный, умный и опасный хищник, и

в первую очередь для них самих. Даже тяжелая форма костного туберкулеза не была для него препятствием для того, чтобы воплотить в жизнь свои идеи, средством для которых стала кровавая бойня на улицах Палермо. Наполовину парализованный, арестованный полицией в Корлеоне, он неизменно оказывался на высоте, каждый раз оставляя судей в недоумении и выходя сухим из воды. Перед лицом Леджо полиция каждый раз остро ощущала собственную беспомощность, вынужденная снова и снова отпускать на свободу опасного преступника из-за «неимения достаточных улик».

Леджо сбежал из больницы, где проходил курс лечения по поводу мочеполовой инфекции, словно почувствовав: за ним вот-вот опять придут полицейские. Они ему просто надоели, и Лучано решил доказать, кто на самом деле хозяин в городе.

К тому же в самой мафии царил полный беспорядок: старый состав сильно поредел в результате арестов и убийств, правительства не было вовсе, а его функции временно исполнял, по всеобщему мнению, тупой и неотесанный Газтано Бандаламенте. Впрочем, и того вскоре арестовали, а власть целиком и полностью перешла в руки Сальваторе Риины, известного жестокого убийцы из клана Корлеоне, которого Леджо считал своей правой рукой.

Итак, Леджо начал действовать, и первой его жертвой стал прокурор Палермской республики Пьетро Скальоне. Убийство больше походило на театральное представление и совершалось на глазах прохожих. Едва прокурор Скальоне вместе со своим шофером вышел из Дворца правосудия, его расстреляли прямо на ступенях здания. Он даже не успел приблизиться к своему служебному автомобилю.

Казнь осуществил лично Лучано Леджо, которым двигала исключительно ярость. Едва не воя от нестерпимой боли, которая терзала его, он стрелял по прокурору, видимо считая это дело более важным, чем его затянувшаяся болезнь. Убив Скальоне, Леджо сразу ликвидировал три проблемы. Во-первых, он убрал человека, который постоянно следил за ним, не давая спокойно вздохнуть; во-вторых, Скальоне только что обезглавил враждебную корлеонцам семью д'Алькамо, а следовательно, именно на представителей этого клана должно было в первую очередь лечь подозрение, и в-третьих, Леджо умело вовлек в конфликт все палермские суды, заставив их думать, что это убийство – дело рук коллег Скальоне. Расчет на самом деле был верным: даже теперь многие думают, что Скальоне пострадал за собственные темные дела, которые он тайно проворачивал, занимая столь высокий пост.

Кроме того, Леджо, как бы издеваясь, ненароком прошелся и по самолюбию «братьев», находящихся в тюрьме, – Стефано Бонтате и Бандаламенте – им тоже надо было наглядно показать, кого следует слушаться. Он убил Скальоне в районе, который принадлежал Порте Нуове, правда предупредив перед этим дону Кало о своих планах. Иначе он просто не имел права поступить, поскольку на его клан немедленно и со всех сторон обрушились бы репрессии, началась бы новая семейная война. Зато теперь, кажется, все склонилось перед авторитетом Леджо до такой степени, что присвоили одну из высших должностей в Капитуле.

А Леджо тем временем с невероятным упорством восстанавливал свои силы и вскоре мог не только свободно двигаться, но одновременно заниматься огромным количеством дел. Правда, дела эти были отнюдь не благородны и вовсе не ограничивались его политической деятельностью в мафиозном Капитуле. Однако Лучано, по характеру стратег, всегда знал, что делает. Именно благодаря ему начались неприемлемые для мафии старой закалки похищения людей с целью выкупа. Подобные дела всегда рассматривались как унижающие достоинство настоящих «людей чести». Они вызывали враждебность со стороны населения и подстрекали полицию на применение более действенных мер.

Тем не менее благодаря Леджо количество похищенных множилось с невероятной быстротой, и теперь уже даже Капитул чувствовал себя не вправе оставаться в стороне. Общее собрание не решилось вынести этому опасному убийце открытое порицание, однако его попросили действовать не так нагло, а ограничиться севером Апеннинского полуострова.

Леджо вроде бы подчинился и заявил, что согласен перенести свои действия на север Италии, но обиды не простил. Как посмел этот неотесанный Бандаламенте назвать его, как передали Лучано «доброжелатели», «кровожадным придурком»? Да кто он такой? На каждом заседании Капитула Леджо непременно высмеивал манеру произношения этого человека, который так до конца жизни и не смог избавиться от неправильных синтаксических оборотов и обидных диалектизмов.

Бандаламенте никак не мог в доступной форме выразить свои мысли по-итальянски, и каждое его высказывание Леджо встречал со злобной радостью, непременно откликаясь на него очередным издевательством. Как известно, шуток «люди чести» не понимают, у них всегда было принято «отвечать за базар», и в результате Леджо добился того, что любое его высказывание, пусть даже оно касалось каких-либо законов, принимаемых в Капитуле, воспринималось всеми как очередное оскорбление, наносимое Лучано лично Бандаламенте.

Между прочим, Лучано всегда своеобразно относился к культуре и образованию. Известно, что в школе он числился среди неуспевающих, однако парень быстро исправил положение – просто подошел к учительнице и заявил, что либо она исполняет свой профессиональный долг как следует, либо Лучано оставит женщину без ее безмозглой головы. И его взгляд говорил о том, что свое намерение он обязательно выполнит. Когда же однажды корлеонская полиция пришла арестовать Лучано, то во всем его жилище, правда рядом с кроватью, была обнаружена всего одна книга – «Война и мир» Льва Толстого. Скорее всего его просто заворожило название...

Вскоре Леджо решил освободить одну из своих жертв, однако выкуп назначил получить на территории, контролируемой Бандаламенте. Разумеется, что в этот район немедленно нагрянула полиция, а Бандаламенте попал в крайне неловкое положение, после чего сделал заявление в Капитуле: Леджо своим поступком подал повод к очередной войне.

Пострадал от самовольства Леджо и клан Сокола. На его территории произошло убийство итальянского полицейского в отставке Анджело Сорино. О том, что убийство произошло на его территории, Стефано Бонтате узнал, находясь в то время в Уччардоне. По правилам мафиозной этики о готовящемся убийстве его должны были предупредить заранее, но не сделали этого. Один из заключенных, некий Джаколоне, заявил, что знает, кто именно покончил с Сорино, и обещал назвать Стефано имя убийцы, как только будет освобожден,

что вскоре и произошло. Джаколоне вышел на свободу и нашел способ передать Стефано: полицейского убил один из корлеонцев, подотчетный исключительно Лучано Леджо. Еще через несколько дней Бонтате узнал, что Джаколоне «принял крещение», или, проще говоря, его утопили. Разумеется, тело его так никогда и не было найдено.

Едва выйдя из тюрьмы, на первом же заседании Капитула Сокол сделал заявление: «Я требую, чтобы мне разъяснили обстоятельства смерти Сорино, поскольку имею на это право: это мою территорию, не спрашивая на то моего согласия, превратили в стрельбище. Я таких санкций не давал, и это противоречит закону». Оказалось, что о готовящемся убийстве Сорино не знал и Капитул, в связи с чем Гаэтано Бандаламенте полностью поддержал претензии Стефано Бонтате. Однако далее произошло нечто странное: остальные секретари Капитула молчали, не желая сказать ни да, ни нет. И лишь один заявил, что не поддерживает претензии Сокола. Этим человеком был Папа, Микеле Греко, из чего Стефано сделал безошибочный вывод: Папа знал об убийстве, и оно совершалось Леджо при полном его согласии и покровительстве.

А вскоре Леджо перешел все мыслимые границы, и Сокол решил, что пора всерьез выяснить с ним отношения. Мало того, что корлеонцы похитили одного из друзей самого Стефано, но, помимо этого, они совершили показательное убийство полицейского Руссо, который вел дело о похищении. Руссо и случайно находившийся рядом с ним собеседник были убиты с поразительной наглостью, днем, посреди городской площади и буквально в 10 метрах от поста полиции. Естественно, что и на этот раз убийство Руссо не было никоим образом согласовано с Капитулом, словно его и вовсе не существовало.

Стефано решил, что его терпению настал конец. На заседании Капитула он сказал: «Я требую, чтобы мне назвали имена убийц полковника Руссо, и настаиваю на том, чтобы к ним применили репрессивные меры». Даже Микеле Греко опешил, видя в его глазах бешенство и решимость идти до конца, поэтому предпочел отговориться помягче: «Да, – нехотя произнес он, – засаду устроили корлеонцы и даже вовлекли в эту акцию одного из моих людей, но я на самом деле не знал об этом ничего». Рассказам Папы о его полном неведении Сокол уже не поверил. Подобное наглое двойное убийство могло произойти лишь с его благословения. И кроме того, Стефано был уверен: уж если Папа признался, что в преступлении участвовал его человек, то был уверен: глава Санта-Марии дель Джезу все равно узнает правду, из любых источников.

Так оно и произошло. Сокол узнал, что полковника Руссо убил молодой, но жестокий, как дикое животное, 23-летний Пино Греко, или Башмачок. Естественно, что он не только не был наказан своим «крестным отцом», но, напротив, продолжал делать головокружительную карьеру в рядах «Коза Ностры».

Папа был буквально без ума от Башмачка, а прочие, в том числе и многие «люди чести», его попросту боялись. Жесткость и бессердечное хладнокровие молодого человека действительно не знали границ. От своей работы убийцы он испытывал наслаждение, а жертв обычно душил или расстреливал из автомата, запрыгнув на крышу автомобиля, или медленно разрезал на куски, замучивая до смерти.

Под впечатлением подобных походов Башмачка Папа со временем ввел его в состав Капитула, тем более что самого его назначали генеральным секретарем. При этом прежнего генерального секретаря Бандаламенте сместили, не удосужившись даже поставить того в известность о причинах отставки. Мало того, его лишили и звания главы клана Чинизи. Никто даже не пытался понять, каковы причины подобной опалы, этой темы избегал и сам Бандаламенте. Что же касалось Башмачка, то и его избрание в члены Капитула тоже не подлежало обсуждению, и это ясно понимали все «люди чести».

Эти события сделали жизнь Сокола совершенно невыносимой: Папа как будто поставил между ним и собой преграду, роль которой успешно исполнял Башмачок. Теперь Сте-

фано Бонтате при всем желании не мог добиться аудиенции у генерального секретаря Капитула, а заседания превратились в бессмысленное времяпровождение. Все решения принимало уже не общее правление, а Папа вместе со своим драгоценным Пино Греко – Башмачком и, конечно же, корлеонцами.

В своих подозрениях Сокол убедился окончательно, когда произошло убийство главы клана Риези Джузеппе Ди Кристины, человека старой закалки и немало потрудившегося на благо «Коза Ностры», который, как и Бонтате, возмущался наглостью корлеонцев, убийством полковника Руссо и во всем поддерживал Стефано. Ди Кристина не учел только один факт: если Стефано мог чувствовать себя в относительной безопасности, поскольку занимал должность в Капитуле, то глава Риези находился не на столь высокой иерархической ступени.

Однажды утром, выйдя из дома, Ди Кристина едва не упал, споткнувшись о тела своих телохранителей, по всей видимости убитых совсем недавно. Дон понял, что и ему самому жить осталось недолго, а потому предпринял отчаянный шаг, прекрасно осознавая, что, будь он молодым и будь на его месте другой человек, он, не задумываясь, заявил бы, что совершает поступок, недостойный «человека чести».

Итак, Ди Кристина пошел в полицию, где откровенно заявил офицеру карабинеров: «Если я решился обратиться к вам, то, сами понимаете, что меня вынуждают к тому крайние обстоятельства. Я кровно заинтересован в том, чтобы банда безумных упырей, возглавляемых Лучано Леджо, была ликвидирована раз и навсегда. Они приговорили меня к смерти только за то, что я осмелился осудить ужасное убийство полковника Руссо. Скорее всего меня убьют, но я хочу заранее назвать имена тех, кто это сделал. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы при этом пострадали невинные люди, притом наверняка единственно преданные мне». Ди Кристина знал, что обычно итальянская полиция в случае убийства привлекает к делу близких и друзей погибшего, поэтому дон сделал все для того, чтобы обезопасить их.

Он знал, что обречен с самого начала; в конце концов все смертно, а уж «люди чести» и вовсе редко доживали до преклонного возраста. Ди Кристина приготовился к смерти, прятаться от нее он даже не пытался, и она не заставила себя долго ждать. Через несколько дней на палермской улице Леонардо да Винчи его буквально изрешетили пулями. Престарелый Ди Кристина оказался один против нескольких убийц и все же успел дважды выстрелить, тогда как те разрядили в него целую обойму. Во всяком случае, он всегда хотел умереть в бою, а не в собственной постели.

Во время похорон Ди Кристины весь поселок Риези погрузился в глубокий траур. Пусть Италия была шокирована, но здесь его глубоко уважали, а потому приспустили флаги, закрыли школы и магазины. За гробом любимого местным населением «крестного отца» шли все жители Риези, все государственные и политические деятели, и скорбь их была совершенно искренней.

Но что было самое страшное для Сокола, предположения Ди Кристины начали сбываться немедленно после его смерти. Сначала полиция предъявила обвинение ближайшему другу погибшего дона, Сальваторе Инцерилло, потому что покойный провел у него свою последнюю ночь. Подобные обвинения казались сущим бредом: какой смысл был Инцерилло убивать своего друга на улице, если он мог сделать это дома, а потом спокойно избавиться от тела? Сальваторе был в бешенстве: его друга убили едва ли не в тот момент, когда он покидал его дом, на подконтрольной ему территории. Это не укладывалось ни в какие рамки, и Инцерилло потребовал объяснений от Капитула. «Ди Кристина был убит за донос», – резко ответил ему Микеле Греко и дал понять, что больше разьяснять этот вопрос не намерен.

Тогда Инцерилло самостоятельно взялся вести расследование, и результаты оказались ужасающими прежде всего для него самого. Убийцей оказался его ближайший друг,

настолько близкий, что даже дома их находились по соседству. «Главное, что теперь я ничего не смогу сделать, – в отчаянии, с беспомощными нотками в голосе признался Сальваторе Стефано. – Я не могу даже наказать убийцу: ведь он принадлежит к моей семье, да и прямые доказательства его вины найти крайне сложно». Тогда Сокол понял: больше среди “людей чести” друзей нет. Наступили времена тотального предательства.

Сокол не испытывал больше ни бешенства, ни ненависти. Он мог просто с тихой грустью наблюдать, как его люди тоже становятся предателями, попадаясь в капканы, умело расставленные Микеле Греко. Самое страшное, что первым против Бонтате восстал его родной брат Джованни. Теперь он предпочитал общество корлеонцев и Папы Стефано, не стеснялся говорить, будто брат дурно обращается с ним и всячески унижает. Микеле Греко, удовлетворенный тем, что сумел пробудить в молодом человеке зависть и честолюбие, посоветовал ему немного подождать. «Доверься мне, – сказал он, – и скоро ты станешь главой Санта-Марии ди Джезу».

Вскоре оппозиция, составленная главным образом из лучших друзей Сокола, стала нападать на него открыто, пытаясь переизбрать и угрожая, что не станет больше ему повиноваться. Однако перевыборы провалились, а Стефано, кажется, уже утративший способность чувствовать вообще что-либо, даже не пытался выяснить, кто именно так рьяно подрывает его позиции в семье. Он даже не снял с должности бунтовщиков, что выступали против него открыто. Он уже знал, что противникам будет нетрудно отыскать среди бывших друзей иуду, который продаст его, но, конечно, запросит за предательство гораздо больше, нежели евангельский персонаж...

Последнее танго в Палермо

Когда Томмазо Бускетта прибыл в Палермо по приглашению своего друга Стефано, ему сразу показалось, что его родной город буквально лихорадит, и не только от жары. Первые признаки поначалу непонятного безумия он отметил, когда его самолет пытался приземлиться в аэропорту. Томмазо отметил, что, пожалуй, никогда в жизни не испытывал столь острых ощущений: пилоты совершили такой головокружительный вираж, что можно было подумать, что они собираются устроить не приземление, а приводнение, после чего внезапно то ли взяли себя в руки, то ли, удовлетворенные демонстрацией своего профессионального мастерства, все же благополучно опустили на взлетную полосу.

Вид Палермо

Недавно отстроенный аэропорт поразил Томмазо странной смесью откровенного безвкусицы и богатства. К тому же человек, занимавшийся этим проектом, видимо, отличался невероятной претенциозностью, а потому решил, что самым лучшим местом для него будет узенькая полоска между морем, которую, казалось, продували все морские ветра одновременно. И все же Бускетта отметил про себя, что едва он сошел с трапа самолета, как сердце его забилось чаще: эти давно забытые неуловимые запахи родной земли, ни с чем не сравнимый солнечный свет и морской воздух напомнили о юных годах и еще о чем-то невероятно родном.

За время отсутствия Томмазо в Палермо в городе изменилось очень многое. Старые здания, в архитектурном стиле которых всегда причудливо переплетались готические арки с мусульманскими консолями, теперь оказывались практически скрытыми новыми застройками из стекла и бетона, не отличавшимися вкусом, зато искупавшими этот недостаток своим невероятным размахом. Томмазо был слишком растроган встречами с родным городом, чтобы думать о том, что взлет урбанизации непосредственно связан со спекуляциями недвижимостью, ставшими в последнее время весьма популярными в среде «людей чести».

В аэропорту Бускетту встретил его сын Антонино. Он нашел для отца подходящее, по его мнению, жилье, где его не станут разыскивать, а по дороге в дом, где Томмазо предстояло провести несколько месяцев, рассказал на всякий случай о некоторых правилах поведения в славном городе Палермо. «Это идеальный город для тех, кто вынужден скрываться от полиции, а потому здесь их сотни, а точнее сказать просто невозможно. Главное: знать, как передвигаться по Палермо». – «Да знаю я, – отозвался Бускетта, чуть поморщившись. – Ходить нужно как можно меньше и особенно пешком». – «Да, – подтвердил сын, – причем делать это лучше днем, между часом и четырьмя пополудни. Почему-то именно в это время на улицах практически не встретишь полицейских. Вероятно, у них обеденный перерыв». И он засмеялся.

Томмазо принял к сведению наставления сына и уже через несколько дней успел близко пообщаться со многими видными людьми города, которые объяснили ему столь внезапный феномен мгновенного обогащения жителей Палермо. При встрече с Соколом он услышал

от него далеко не оптимистический прогноз на будущее. «Сейчас многие “люди чести” на самом деле баснословно богаты, но причина кроется не только в постоянных спекуляциях недвижимостью. Все больше и больше наших общих друзей занимаются наркотиками. Меня крайне беспокоит подобное состояние дел. Наркотики погубят наше общее дело, запомни мои слова».

Контрабанда сигаретами осталась в далеком прошлом, стоило одному предприимчивому мафиози по имени Нунцио Ла Маттина сделать вывод, что гораздо прибыльнее торговать этим белым опасным порошком, который пользуется огромным спросом на всех континентах. Ла Маттина развернул активную деятельность, самостоятельно связался с многочисленными поставщиками опиума, из которого так быстро и дешево получается героин, после чего посетил всех видных деятелей «Коза Ностры», пуская в ход все свое красноречие, дабы убедить боссов в том, что он нашел поистине золотую жилу.

Прошло совсем немного времени, и те, кто раньше нелегально переправлял сигареты в Америку, теперь уже во все возрастающих количествах поставляли опиум сицилийским кланам. Каналы, по которым прибывал опиум, эти люди держали в строжайшем секрете. Вскоре торговля наркотиком пошла настолько бойко, что Америка ежегодно получала от сицилийских семей едва ли не до 4 тонн чистого героина. Новая работа была очень опасной, и крестные отцы, прекрасно отдавая себе в этом отчет, лично выбирали, кто именно из их людей сможет заниматься наркотиками. В первую очередь это зависело от доверия тому или иному человеку, а также от его жизненных установок. Так, «люди чести» старой закалки, в своем большинстве придерживавшиеся патриархальных принципов, к героину вообще не допускались.

Как и говорил Стефано Бонтате, наркотики привели к тому, что основополагающие мафиозные законы были быстро забыты, а ни о каком разделении труда теперь и речи быть не могло. Каждый занимался тем, что ему нравилось, причем с семьями активно сотрудничали даже иностранцы и те, кто относился к париям. Даже Гаэтано Бандаламенте оказался подвержен наркотической лихорадке, охватившей Палермо. Его уже изгнали из Капитула и вовсе из рядов мафии, однако тот не считал себя в убытке, целиком отдавшись новому ремеслу, и партии героина, что он поставлял на американский рынок, были весьма впечатляющими. На какое-то время в его руках сосредоточилась почти вся контрабандная торговля героином на острове.

«Это просто ужасно, – говорил Сокол Бускетте. – Для меня дико представить, как можно торговать наркотиками. К несчастью, мой брат Джованни целиком попал под влияние Микеле Греко и корлеонцев и стал наркоторговцем. Сколько я ни разговаривал с ним, ничего не помогало. Кажется, я потерял брата навсегда».

Прошло несколько дней после того, как Томмазо поселился в Палермо, и за ним пришел посланец от Пиппо Кало, главы Порта Нуовы. Посланец передал, что дон испытывает чрезвычайную радость от возвращения Томмазо и надеется на скорейшую встречу. Слушая его, Томмазо едва не удержался от желания дать ему в морду или просто послать подальше, однако он был достаточно хорошо воспитан и помнил старые правила, которые не признавали неподчинения члена клана его главе.

Бускетта часто подумывал о том, чтобы отойти от дел, но отставка в мафии не признавалась, и он это знал. Если даже «человек чести» был изгнан из рядов мафии в результате серьезной ошибки, то это вовсе не значило, что о нем немедленно забудут. В мафии никогда не выбывают из игры, и человек, получивший отставку, не сможет спать спокойно. В конце концов о нем однажды все равно вспомнят и потребуют, чтобы он исполнил тот или иной долг, как подобает «человеку чести». Подобная история случилась и с Томмазо.

Едва дверь за посланцем от дона Порта Нуовы закрылась, как Томмазо невольно почувствовал, что волнуется. Он вспомнил, как сам ходатайствовал за принятие Пиппо Кало в

ряды семьи. В то время Пиппо было всего 18 лет. Сын мясника, он успел отличиться тем, что успешно выследил и застрелил убийцу своего отца. Улик на месте преступления он не оставил и занял место отца в мясной лавке, а потом сделался владельцем бара. «Перспективный молодой человек», – решил Бускетта и взял его под свою опеку. Да, тот действительно оказался настолько перспективным, что в течение нескольких лет обошел на иерархической лестнице своего благодетеля, возглавил Порта Нуову, а потом и был избран в члены Капитула.

Выждав немного времени, Томмазо отправился на встречу с Кало в одну из его квартир. «Я весьма недоволен вашим поведением», – сразу заявил ему дон. Томмазо вопросительно посмотрел на него. «В тюрьме вы связались с человеком из Милана по имени Франчиз Турателло и брали от него значительные суммы денег». – «Ну и что? – не понял Томмазо, еле сдерживая закипающий в нем гнев. – Я действительно не отказывался от денег, потому что сам не имел ни гроша, а Турателло не только оплатил мне отличного адвоката, но к тому же щедро снабжал деньгами мою жену, которую я тоже не мог бросить на произвол судьбы». Окончательно придя в себя, он добавил: «Вообще-то по законам нашей этики, моими делами должен был заниматься глава семьи, но на сей раз меня просто бросили на произвол судьбы; так, интересно, почему же я к тому же должен чувствовать себя виноватым?».

Кажется, Кало смутился. «Я совсем ничего не знал об этом, – пробормотал он. – Неужели вы думаете, что я смог бы оставить вас без помощи?». – «Еще как мог бы, – подумал Томмазо. – А то я не помню, каким скупым по натуре ты всегда был, мой дорогой протеже, еще в те времена, когда за прилавком мясной лавки изображал из себя вечно бедствующего. Ты и сейчас хочешь казаться таким, просто тебе это плохо удастся: всем известно, что благодаря контрабанде табаком и героином ты с полным правом можешь теперь называться миллиардером».

Вот и теперь Кало, немного напуганный гневом Бускетты, решил как можно скорее перевести разговор на другую тему. «В нашей семье сейчас чрезвычайно много проблем, – начал он издали. – Один из моих заместителей попался на контрабанде сигарет, и мне пришлось сделать его рядовым бойцом». Томмазо понял: таким образом дон предлагает ему занять освободившееся место. «Я все понимаю, – ответил Бускетта, – однако я уже принял решение и отступаться от него не собираюсь. Я вернусь в Бразилию. У меня там множество неотложных дел». – «Жаль, – ответил Кало, – я, конечно, не собираюсь ни в чем вам препятствовать, хотя, если бы остались в Палермо, то только на торговле недвижимостью сумели бы озолотиться... Вот как, к примеру, Вито Чанчамино. Он взял в свои руки реконструкцию центра Палермо. А ведь этот человек не только ведет дела в Христианско-демократической партии; он принадлежит к клану Риины».

«И снова корлеонцы», – подумал Бускетта, но вслух ничего не сказал. Вместо этого Томмазо прямо заявил: «У меня создалось впечатление, что в нашей организации назревает серьезный кризис. Вот, например, Стефано Бонтате...» Кало не дал ему даже закончить фразу: «Бонтате совсем потерял уважение к представителям Капитула, – резко отозвался он. – Тем более что всем известно, как скверно он обращается со своим братом Джованни. А чего стоит одна только его дружба с идиотом Инцерилло, который уничтожил прокурора Косту и даже не посчитал нужным испросить на то разрешение Капитула». Это было действительно серьезное обвинение. Об убийстве Косты Томмазо ничего не знал. Он задумался, не зная, что ответить, а Кало тем временем продолжал: «Если вы хотите предотвратить новую войну, вам, Бонтате и Инцерилло нужно встретиться, и чем быстрее, тем лучше».

Томмазо, не на шутку взволнованный полученной информацией, обратился за разъяснениями к Сальваторе Инцерилло и Стефано. «Тебе предоставили односторонние сведения, – с жаром заявил Инцерилло. – А почему Кало не рассказал об убийстве начальника полиции Палермо Бориса Джулиано, следователя Чезаре Терранова, президента Пьерсанти

Матарелла? А ведь они тоже совершались, по словам Греко, без ведома Капитула. Во всяком случае, я и Сокол должны были быть поставлены в известность. Так нет же – этого не произошло!» – «Я знаю имена убийц, – глухо отозвался Бонтате. – Мне назвал их сам дон клана Пассо ди Ригано. Что касается Терранова, то он собирался арестовать Лучано Леджо, уже имея на него обширный компромат, и приказ об его убийстве отдал непосредственно Леджо, отсиджавший срок в тюрьме».

Лучано Леджо

«Везде корлеонцы, эти обезумевшие маньяки! – воскликнул Инцерилло, и в его глазах загорелась ненависть. – А помнишь, Стефано, был еще и четвертый случай, не так давно». – «Ты имеешь в виду убийство капитана карабинеров Джузеппе Базиле?» – уточнил Бонтате. – «Ну да, – горячо откликнулся Инцерилло. – Здесь уже Папе не удалось отвертеться, как обычно, и заявить, что он ничего не знал. Ненавижу эту его вечную фразу и воздетые при этом к небу руки!». – «А что произошло?» – поинтересовался Томмазо. – «Рядом с местом убийства полиция задержала троих, – неохотно сказал Бонтате. – Один принадлежал к Сан-Лоренцо, второй – к Резуттано, а третий – к Джакулли». – «Но ведь глава Джакулли – сам Микеле Греко, Папа», – начал понимать Томмазо.

«Да, – сказал Сокол. – Убийц, конечно отпустили. И знаешь, почему? Ты просто умрешь со смеху: они заявили, будто недалеко от места убийства встречались с юными дамами и в духе насто-ящих рыцарей не могут назвать их имена, дабы не скомпрометировать их. Но еще интереснее оказалось то, что полицию вполне устроил их ответ. Но главное не это. Теперь уже сам Папа не мог заявить, будто ни о чем не знал. Это убийство доказало, что ему было известно все. Ему и корлеонцам. Теперь уже никто не осмелился бы сказать, что генеральный секретарь Капитула не покровительствует Корлеоне, и Леджо в частности». – «И я больше не мог молчать, – добавил Инцерилло. – Хорошо, я понимаю, что ничего не смогу изменить в одиночку. Но, господа из Корлеоне, сказал я, вы слишком много на себя берете. Смотрите, как бы вам не оступиться, и я лично постараюсь помочь вам проиграть».

«А при чем тут убийство прокурора Косты?» – прямо спросил его Томмазо. «Я не мог поступить иначе, – мрачно ответил Инцерилло. – После того заседания я не мог отделаться от мысли, что нужно совершить что-то, что сможет охладить пыл зарвавшихся корлеонцев. Понимаешь, Томмазо, ведь я не менее силен, чем они, и моя семья способна на многое. Я могу делать все, что посчитаю нужным, а если захочу, то прибегну к тем же методам, что и корлеонцы. Поэтому я отдал приказ убрать Косту».

Томмазо в ужасе молчал, не в силах сразу оправиться от услышанного. Не так часто «человек чести» признается в совершенном преступлении, но уж если он так сказал, то, значит, Кало говорил правду... «Зачем ты стараешься оговорить себя, Сальваторе? – пытаюсь

успокоить друга, вмешался Бонтате. – Всем известно, как много неприятностей тебе доставил этот Коста. Сколько твоих родственников и твоих бойцов оказались за решеткой, – и все это исключительно благодаря ему». Однако Инцерилло при одной мысли о ненавистных корлеонцах весь дрожал от ярости. «При чем тут мои родственники, Стефано? – почти крикнул он. – Поверь, меньше всего в тот момент я думал о них. Единственное, что двигало мной в тот момент, – доказать этим чертовым корлеонцам, что меня не стоит сбрасывать со счетов. Я для них – враг, и опасный.

Я могу делать, что хочу, слышишь?».

И тут потрясенный Томмазо увидел, что и с Соколом происходит нечто странное. Всегда спокойный и уравновешенный, склонный прощать чужие грехи, он преображался на глазах. Наверное, впервые после долгих лет, когда он ощущал себя до предела уставшим, в его взгляде мелькнуло нечто похожее на ненависть. «Нет, – что-то подсказало Томмазо. – Это даже больше, чем ненависть. Это слепое бешенство».

«А ведь ты прав, Сальваторе, – заявил он. – Мы должны покончить с ними. И знаешь, Томмазо, что я сделаю, чтобы поставить всех на место? Я убью Риину и так обезглавлю корлеонцев. Я сделаю это сам, лично, и, мало того, на первом же заседании Капитула открыто скажу, что собираюсь сделать. Действовать в их духе и убивать тайком я не стану». – «Стефано, это же самоубийство! – закричал Томмазо. – Приди в себя, ты сошел с ума! Как только ты выйдешь с заседания Капитула, тебя самого тут же убьют!». – «Ты думаешь, я боюсь смерти? – усмехнулся Сокол. – Да я уже давно к ней готов, но Риину я все-таки убью». – «Хотя бы отложи свои планы, – просил его Томмазо. – Давай поначалу переговорим с Кало; быть может, получится все уладить мирным путем». – «Кало тоже заодно с корлеонцами, – Сокол посмотрел на друга с некоторым сожалением. – Я ведь знаю гораздо больше тебя, поверь мне на слово. На каждом собрании Кало ни разу слова поперек не сказал Папе. Он вообще предпочитает молчать. Но чтобы успокоить тебя, ладно – я отправлюсь на эту встречу, только она ничего не даст».

Томмазо изо всех сил старался предотвратить несчастье. Он организовал встречу Стефано, Инцерилло и Кало в одном из захудалых кафе неподалеку от Рима. Все присутствующие вели себя по отношению друг к другу весьма любезно, обнялись и поцеловались, и у Томмазо даже мелькнула мысль, что эти объятия гораздо более теплые, чем братские. Далее последовали клятвы в вечной дружбе, обещания постоянно советоваться друг с другом и уж, конечно, ни в коем случае не допустить террора корлеонцев. На том все и закончилось, причем удовлетворен был только Томмазо, а Стефано по-прежнему глядел на него с непонятным сожалением. И оказался прав.

И нескольких дней не прошло с той теплой встречи в простом кафе, где собравшиеся «люди чести» чувствовали себя весьма комфортно, как Томмазо снова встретился с Кало. Дон явился сделать ему выговор за сына Бускетты Антонино.

«Твой сын ведет себя как обычный жулик, – безапелляционно, с порога, заявил дон. – Займись им, пока не поздно». – «В чем дело?» – поинтересовался Томмазо. «Антонино пытался меня надуть: как простой воришка хотел всунуть в моих магазинах чеки без обеспечения». – «Хорошо, – сказал Бускетта, в душе кипя от возмущения. – Вечером я вызову к себе Антонино и мы вместе поговорим с ним. Он действительно ведет себя недостойно».

Этим же вечером несчастному Антонино пришлось выдержать целый шквал упреков, которыми со всех сторон осыпали его собственный отец и глава Порты де Нуовы. Антонино молчал, не поднимая головы; да ему и слова не дали бы сказать. Но все же всему бывает предел, и родительскому гневу тоже. «Ты, может быть, все-таки объяснишь, зачем вел себя как простой жулик?» – строго спросил Томмазо. «У меня совсем нет денег, – просто сказал Антонино. – Ни лиры, и чтобы доказать тебе это, отец, я добавлю, что только что заложил в ломбарде драгоценности жены». Казалось, на Кало слова молодого человека произвели

впечатление. «Ну это же совсем меняет дело, – сказал он с видимым облегчением, – снова ты, Томмазо, не захотел сообщить мне, что испытываешь денежные затруднения. Ты же знаешь, я никогда не оставлю тебя в беде. А деньги... Это вообще сущая ерунда; для меня, по крайней мере».

С этими словами он вынул из кармана невероятно толстую пачку бумажных купюр и торжественно протянул Антонино. «Считай, что ты мне ничего не должен, – небрежно обронил он. – Это мой подарок к твоему дню рождения».

Бедный наивный Антонино был счастлив, как ребенок. Буквально на следующий день он полетел в ломбард выкупать заложенные там драгоценности. Ему и в голову не пришло скрывать свое имя при заполнении официальных бумаг. Кажется, он даже не подозревал о том, что полиция особенно тщательно проверяет деньги, выдаваемые в кредит. На эту меру ее вынудили непрекращающиеся похищения людей с целью выкупа и все нарастающая торговля героином.

Прошло несколько дней, и за Антонино пришли из полицейского участка: оказалось, что в качестве выкупа за заложенные драгоценности он отдал деньги, которые числились в деле о выкупе за похищенного человека. Оказывается, Кало вручил ему «грязные» деньги. В результате свой день рождения Антонино пришлось встречать в тюрьме.

Идентификационная карта Сальваторе Риины

Взбешенный этой новостью, Томмазо нашел Кало на одной из строительных площадок города и решительно потребовал объяснений. «Извини, – сказал себе под нос Кало, пряча лицо от знойного ветра, скорее напоминающего африканское сирокко. – Я понятия не имел, что это за деньги. Неужели ты думаешь, Томмазо, что я стал бы нарочно давать твоему сыну неотмытые деньги?». И не давая Бускетте опомниться, добавил: «Ну ты же знаешь: я никогда в жизни не связывался с похищением людей. Мне сказали, что это доход от контрабандного табака. Успокойся, Томмазо, если я стал причиной того, что твой сын угодил в тюрьму, я сделаю все возможное, чтобы исправить положение: найму лучшего адвоката, и будь уверен – скоро ты вновь сможешь обнять его».

Уходя с этой встречи, все еще дрожащий от гнева Томмазо вдруг подумал: а ведь вполне может случиться и так, что Кало, освободив из тюрьмы его сына, немедленно отправит за решетку его самого. Чутье его никогда не подводило, а потому мысль о Бразилии, ее теплом солнце и таких манящих пляжах Рио-де-Жанейро показалась ему, как никогда, соблазнительной.

Бускетта понял, что эти дни в Палермо для него последние, а потому решил, что пора проститься с друзьями. Внутренний голос говорил ему, что большинство из них он уже никогда не застанет в живых. Навестил он и ближайшего соратника Сальваторе Инцерилло инже-

нера Ло Прести. Его двоюродным братом был человек с миллиардным состоянием, принадлежащий к клану Сальво, – Нино Сальво. За обедом Ло Прести пожаловался Томмазо, что состояние его брата несколько не спасало его от преследований обезумевших корлеонцев; даже наоборот – на него была объявлена самая настоящая охота. До самого Сальво им, правда, добраться не удалось, но зато они похитили не менее богатого тестя Сальво, старика. Томмазо не сомневался, что это дело рук корлеонцев: только они могли воевать с престарелым человеком, да еще находящимся в тесном родстве с «людьми чести».

Самое страшное, что старика, кажется, даже не собирались возвращать: просто показывали, кто настоящий хозяин «Коза Ностры». В том, что он был убит, сомнений не было. Нино Сальво пошел искать справедливости у тогдашнего секретаря Капитула Гаэтано Бандаламенте. «Я знаю, что тестя нет в живых, – сказал он. – Но я прошу хотя бы выдать его тело. Я имею на это право и, кроме того, мои родственники не смогут воспользоваться состоянием несчастного старика». С таким же успехом он мог кричать о справедливости в какой-нибудь пустыне. Сальво никто не услышал, а Бандаламенте мог только разводить руками и отговариваться чем-то вроде: «Вы же знаете, что сицилийские кланы официально никогда не занимались похищением людей: ведь это противоречит уставу...».

Именно тогда и разгорелась очередная война между криминальными группировками. Оскорбленные не желали молча сносить обиды и уничтожали тех, кто, по их мнению, был причастен к делу о похищении тестя Сальво. В результате клан Салеми уничтожил, как минимум, 17 корлеонцев, а те в свою очередь ответили убийством полковника Руссо, того самого, который занимался расследованием этого похищения.

Инженер Ло Прести принял Томмазо со всей возможной теплотой, как друга Сальваторе Инцерилло и Сокола. Он долго уговаривал Бускетту оставить мечту о Бразилии, убеждал, что и здесь можно прожить совсем неплохо; говорил, что его влиятельные родственники пойдут на все, чтобы избавить Томмазо от преследования полиции; предлагал участвовать в выгодном проекте – строительстве огромного жилого комплекса.

Несмотря ни на что, Томмазо оставался непреклонным. «Этот остров проклят, – сказал он. – Нет такой силы и таких соблазнов, что смогли бы удержать меня здесь. К тому же поверьте мне, инженер, вы находитесь в состоянии эйфории, тогда как мне со стороны видно: эти мирные дни в Палермо – последние. Я многое повидал и редко ошибаюсь в своих предположениях».

На самом деле Томмазо буквально рвался на части. Нужно было бежать, бежать немедленно, пока еще не стало слишком поздно, однако здесь он оставлял друзей, да еще огромную шеренгу детей, любовниц и жен. Стефано уговорил-таки его задержаться еще на несколько месяцев. Он отдал в полное распоряжение своего друга три собственные роскошные виллы, утопавшие в море зелени лимонных деревьев. А чтобы Томмазо не чувствовал себя слишком одиноко, он позаботился о том, чтобы привезли к нему из Бразилии жену и детей.

Сам Стефано несколько не докучал соскучившейся за эти годы паре. Из вежливости он навестил их пару раз, чтобы убедиться, что с его другом все в порядке. А Томмазо чувствовал себя так хорошо и спокойно, как никогда. Здесь он чудесно отметил Рождество; он наслаждался покоем, как будто создавая, что ничего подобного в его жизни больше не будет: ни мягкого соленого ветра Италии, веявшего среди лимонных деревьев, ни такого прозрачного утреннего тумана, одним словом – ничего, что на языке людей обозначается одним словом – «счастье», полное счастье человека, знающего, что он находится дома. Наверное, поэтому, когда самолет уносил его в Бразилию, он впервые испытывал боль потери. Больше такого не повторится никогда, а вот боли еще впереди предстоит так много...

Когда «калашников» исполняет гимн предательству

Сокол, или, как называло его местное население, князь Виллаграция, был убит в день своего рождения. Сам виновник торжества был на удивление задумчивым, а в его словах постоянно сквозили нотки горечи. Надвигалась новая война, из которой он не рассчитывал выйти живым. В конце концов, ему только что исполнилось 43 года. Это еще не старость, но за свою жизнь он успел многое, и ему не в чем себя упрекнуть. Стефано Бонтате всегда вел себя безукоризненно, как и подобает истинному «человеку чести», ни разу в жизни не нарушил закона организации и не боялся открыто выступать против обезумевших от жестокости корлеонцев, которых считал маньяками.

К смерти он был готов всегда. Он не боялся, когда прозвучал первый «звонок», намек на скорую смерть. Это произошло в тот день, когда его заместитель Пьетро Ло Джакомо попросил освободить его от занимаемой должности. Стефано никого не держал; он отпустил его, прекрасно понимая, что тот действует под давлением Папы, который в последнее время совершенно измучил Сокола своими нападками.

У Стефано не было ни малейшего желания надолго засиживаться за праздничным столом, и уже в одиннадцать вечера он сел за руль своего автомобиля «джульетта», отправив вперед телохранителя Стефано Ди Грегорио на «фиате». Его единственным желанием было поскорее попасть за город, домой. Он чувствовал себя бесконечно уставшим, до последнего предела.

Так получилось, что Ди Грегорио оказался на месте раньше Стефано. Он припарковался и распахнул ворота виллы. Телохранитель ждал уже минут десять, но хозяин все не появлялся. Внезапно Ди Грегорио стало настолько нехорошо, что даже на лбу выступил холодный пот: только сейчас он понял, что в последний раз видел Стефано, когда тот остановился на красный сигнал светофора, а телохранитель, ехавший первым, успел проскочить на зеленый.

Страшная картина предстала перед ним как наяву: рядом с «джульеттой» Бонтате останавливается легкий мотоцикл, водитель, лицо которого совершенно неразлично под шлемом, бросает быстрый взгляд в сторону машины, а потом, сделав быстрое движение и рывком распахнув переднюю дверцу автомобиля, выхватывает невесть откуда взявшийся «калашников». На мгновение на лице Сокола отразилось изумление.

Вероятно, в эти краткие секунды вся его жизнь успела промелькнуть, будто в калейдоскопе, за то время, пока он, словно при замедленной съемке, наблюдал, как палец убийцы медленно нажимает на курок, как непостижимо медленно ползут по стволу автомата пули, как они выходят из него со странным звуком, поблескивая и поразительно напоминая огромных насекомых. Его рука непроизвольно потянулась к пистолету. Он даже успел выхватить его, а потом в мозг ему ударила ослепительная вспышка, и о том, что он инстинктивно включил первую скорость, чтобы отъехать от светофора, Сокол так никогда и не узнал.

Убийство Стефано Бонтате

Ди Грегорио, с трудом преодолев приступ тошноты, как сом-намбула, снова сел за руль «фиата» и отправился к тому злополучному светофору. Уже за несколько метров он почувствовал расплывающийся в вечернем апрельском воздухе этот страшный запах пороха. Телохранителю показалось: еще минута, и он просто с ума сойдет от мертвой тишины, в которую как по мановению волшебной палочки погрузился только что такой шумный и оживленный квартал. Он никогда не думал, что тишина может быть жуткой. Дальнейшее Ди Грегорио помнил смутно. «Джульетта» с ее вдребезги разбитым левым крылом напоминала устрашающий призрак. Мотор машины продолжал работать, и фары inferнальным светом освещали пространство, усеянное патронами от «калашников»а.

Телохранитель выскочил из «фиата» и с ужасом открыл заднюю дверцу «джульетты». Сокол лежал на правом боку, все еще сжимая в руке бесполезный пистолет. Его лицо превратилось в сплошное кровавое месиво, а на светлом пиджаке чернели два пулевых отверстия. «Контрольные выстрелы, – машинально подумал Ди Грегорио. – Теперь все. Больше ему ничем не поможешь».

Он не помнил, сколько времени стоял, не в силах оторвать взгляда от изуродованного трупa хозяина. Ди Грегорио пришел в себя, только услышав завывания полицейских сирен. Он побежал, забыв о своем «фиате» и не думая, что за ним по асфальту тянется длинный след крови Сокола.

Новости в среде «людей чести» распространяются с непостижимой быстротой. Буквально через полчаса после убийства Сокола его заместитель и ближайший друг Джироламо Терези уже получил известие о смерти хозяина. Надо было срочно отправляться выразить соболезнования семье покойного, день рождения которого он только что праздновал. «Ужасное чувство», – думал Терези. Мало того, что он сам испытывал невыразимую боль от потери друга, да еще в такой день, но теперь следовало вновь ехать к его родственникам. Наверное, они все уже облачились в черное, как того требовал обычай. Терези представил себе вдову Бонтате с покрасневшими от слез глазами, братьев, едва сдерживающих рыдания, многочисленных друзей, стоящих, опутив головы. Что им сказать, как описать свои чувства? Кажется, он впервые был растерян как никогда в жизни.

Подобные мысли обуревали Терези, пока он подъезжал к дому, где полтора часа назад проходила вечеринка. Он вспомнил последний прощальный взгляд Сокола, брошенный им на присутствующих. Сколько в нем было тоски и безнадежности. «А ведь он все знал, – внезапно подумал Терези. – Нет, не знал, конечно, но догадывался».

Однако дом поразил его необычайной тишиной. В полном одиночестве он поднялся по ступеням. Нет, его не встретила вдова в черном, никто не плакал, нигде не видно было ни одного человека: ни друзей, ни товарищей по оружию. Шокированный Терези понял, что люди Бонтате смертельно испуганы. Они попрятались как можно дальше, видимо, предполагая, что убийством князя Виллаграция эта история не закончится, но как быстро последует продолжение, никто не знал.

Терези медленно прошел в комнату, где уже стоял гроб с телом погибшего. Рядом с Соколом стоял только один человек. «Кориолан», – подумал Терези. Да, этим единственным посетителем был Сальваторе Конторно, прозванный местными жителями Лесным Кориоланом. Конторно, один из последних друзей Сокола, остался верен ему до конца. Он пришел проститься с ним, несмотря на то что сам мог подвергнуться нападению убийц. И, кроме того, он находился в розыске. Что поделать, среди «людей чести» не найдешь человека без греха («Впрочем, как и среди прочих», – философски подумал Терези). Он знал, что за Кориоланом водилось множество грешков: тот, кажется, приторговывал героином и не брезговал похищением людей, хотя похищал не любых, а лишь каких-то предпринимателей. Местное население, в основном обитатели нищих кварталов, были уверены, что Кориолан им не опасен, а потому откровенно уважали и любили его. Видимо, он представлялся им чем-то вроде легендарного Робина Гуда, защитника всех обездоленных от зарвавшихся богатеев.

Кориолан заговорил первым. «Я не мог прийти на день рождения Стефано, – сказал он, словно оправдываясь. – Я боялся, что „сбиры“ начнут терзать Сокола, а его и Папа уже измучил до предела. Не хотел доставлять лишнюю неприятность. Я поздравил его тайно, накануне, и он еще ответил мне: “Плохая примета”... Я не прощу его смерти и выясню, кто за этим стоит. Если его люди не хотят вести себя подобающим образом, то я могу – хотя бы потому, что на этом острове нечто вроде персоны “нон-грата”». – «Верно, – ответил Терези. – Я тоже это дело просто так не оставлю. Завтра же отправлюсь к Папе и потребую назвать имена убийц».

Начиная со следующего дня Терези ездил в земельное владение Фаварелла, словно на работу. На всякий случай он заказал себе бронированный автомобиль, темно-синюю «альфетту», и до изнеможения колесил туда и обратно по пыльной пустынной местности. С каждым днем он все больше убеждался, что над ним откровенно издеваются. Папа повторял одно: «Кто стрелял, мне неизвестно. Попробуйте приехать ко мне завтра. Советую вам пока заняться своими делами и решать собственные проблемы». И так происходило каждый день.

«Он смеется надо мной, – с гневом сказал как-то Терези Кориолану, – говорит: вы ничего не бойтесь, вам никто не угрожает». – «Ты ничего не понял, – ответил Конторно. – Ты каждый день наносишь визиты Папе, и тот, как попугай, твердит тебе одно и то же. Неужели непонятно, что убийство совершено по его приказу? Лучше брось это бессмысленное занятие. Я сам выясню имя убийц. У меня даже есть некоторые предположения на этот счет. Наверняка это предатели, которые и сейчас преспокойно ходят среди нас». – «Я и сам начал подумывать об этом, – задумчиво проговорил Терези. – Но руководили ими корлеонцы, это точно. И кроме того, помнишь, как настойчиво пытались добиться смещения Сокола братья Игнацио и Джованни Баттиста Пуллара? Ни для кого не секрет, что они давно связаны с корлеонцами и действуют по их указке». – «Если бы только они, – вздохнул Конторно, – думаю, на самом деле обстановка в вашей семье еще печальнее, нежели ты предполагаешь. Дай мне немного времени. Все прояснится. А к Папе больше не езд. Пустое это дело».

Через несколько дней Конторно посреди ночи постучался в дверь Терези. «Не волнуйся, – сказал он хозяину прямо с порога. – Я следил: „хвоста“ за мной не было». – «Ты что-то узнал?» – спросил Терези. «Да, практически все, и новости эти страшнее, чем мы с тобой предполагали». – «Что же?» – упавшим голосом произнес Терези. «Во-первых, к этому делу причастен самый настоящий Каин», – начал Кориолан. – «Джованни Бонтате?» – ужаснулся

его собеседник. «Да, – мрачно произнес Конторно. – Он не только помогал убийцам, но сейчас даже открыто превозносит их».

Взгляд Терези сделался стеклянным. «И даже не дождавшись окончания траура... Каин...» – только и сумел произнести он. – «Дослушай сначала, – настойчиво произнес Кориолан. – Непосредственно помогал убийцам Пьетро Ло Джакомо, тот самый, что потребовал отставки у Сокола незадолго до его убийства». – «Но ведь он продолжал разыгрывать друга семьи, – удивленно промолвил Терези. – Я видел его на том самом дне рождения». – «Вот именно, – сказал Кориолан. – Он-то и сообщил убийцам по радиопередатчику, когда именно закончился праздник и во сколько Сокол вышел из дома».

Вскоре Терези убедился в правильности предположений Конторно. Папа назначил во главе осиротевшего клана Санта Мария дель Джезу Джованни Баттисту Пуллара и Пьетро Ло Джакомо. Обычай требовал, чтобы они не соглашались занять высокие посты, пока их хозяин не будет отомщен, однако же этого не произошло. Для Терези, как и для всех остальных, подобный поступок послужил еще одним доказательством предательства этих людей, называвших себя друзьями князя Виллаграция.

«Мне так трудно все осознать... – признался Терези Сальваторе Инцерилло, который после гибели Сокола остался единственным оппозиционером в Капитуле. – И чем все это грозит для всех нас? Для тебя? Для меня?». – «Нам нужно встретиться и все обговорить, – сказал Инцерилло. – Но только так, чтобы никто ничего не заподозрил». Терези задумался. «У меня есть на примете одно место, – медленно произнес он. – Сейчас дома встречаться опасно, как, собственно, и в городе. Ты заметил, как нервничают „сбирь“? Им сейчас только дай повод: сразу засадят, а за что – придумают». – «Вообще-то в данный момент „сбирь“ должны волновать тебя меньше всего», – с тонкой усмешкой заметил Инцерилло. – И так?» – «Я предлагаю торговый склад. Там мой человек ведет дела. Местность захудалая, всюду непонятные железяки, но главное – все спокойно. Там поблизости находится бар под названием „Малышка Луна“. – „Хорошо, – согласился Инцерилло и, закрывая за собой дверь, внезапно добавил: – кстати, рядом с этим баром и был убит Сокол“.

На другой день после этой встречи Папа вызвал к себе Терези. «Скажите, что за дела привели вас с Сальваторе Инцерилло на склад, где торгуют всяким старьем? – насмешливо поинтересовался он. – Вы неправильно себя ведете, встречаясь с этим человеком. Для вас все это может закончиться очень плохо».

Терези был настолько ошарашен услышанным, что даже не сразу осознал значение каждого слова Папы. Он понял только одно: куда бы он ни отправился, за ним станут следить тысячи внимательных глаз. О том же, что Папа практически назвал имя очередной жертвы, ему даже в голову не пришло: что ж, далеко не все обладают чутьем Кориолана...

Однако если бы Терези не находился в глубоком шоке от всего, что произошло за столь короткое время, он обратил бы внимание и еще на один странный случай, произошедший вечером того же дня, на который Папа назначил ему аудиенцию.

Стоял дивный теплый майский вечер, один из тех, когда жители Палермо так любят неспешно погулять по одной из центральных улиц города – виа Либерта. Приближалась ночь, но народ не спешил расходиться, а потому множество свидетелей видели, как неподалеку от крупного ювелирного магазина остановился белый «гольф», из которого не спеша вышел загорелый молодой человек с предметом, завернутым в газетную бумагу. Он сделал по улице несколько шагов, и вид его, небрежно-раскованный, свидетельствовал о том, что молодой человек ощущает себя вовсе не в людном месте, а в каком-нибудь глухом лесу. Во всяком случае, он не удостоил взглядом ни одного из прохожих, словно их и не было вовсе.

Дойдя до бронированной витрины ювелирного магазина, молодой человек развернул предмет, бросив газету на мостовую, и практически сразу после этого раздались короткие автоматные очереди. По стеклу витрины причудливыми изгибами и узорами разбежались

тонкие трещины, озаренные вспышками выстрелов. Когда обойма закончилась, молодой человек разрядил «калашников», вновь зарядил его и собрался проделать эту операцию еще раз. Правда, предварительно он с интересом исследователя подошел к испорченному стеклу и провел по нему пальцами, как бы желая удостовериться в результатах работы. Однако от ближайшего полицейского поста к нему уже бежали, хотя и не особенно быстро, двое полицейских.

Присутствие стражей порядка молодой человек заметил, однако на его загорелом лице не отразилось даже тени смущения. Он небрежно навел автомат на полицейских и дал очередь поверх их голов. «Сбиры» ответили ему тем же. Со стороны казалось, что эти люди решили устроить соревнование в поддавки: кто стреляет хуже. Но подобное положение не могло продолжаться до бесконечности. «Надо бы и честь знать», – по всей видимости, решил молодой человек, быстро усевшись за руль «гольфа». Через минуту его и след простыл.

Пресса Палермо наутро пестрела недоуменными заметками, полными вопросов, на которые не находилось ответов. Тот молодой человек не выглядел помешанным; так для чего же ему понадобилось стрелять в витрину магазина, разбить которую было не так просто. Да и непохоже было, чтобы его вообще интересовали ценности. Значит, попыткой грабежа проишествие назвать невозможно. А зачем этот неизвестный делал вид, что стреляет в полицейских, и почему они отвечали ему полной взаимностью, вовсе не желая ни арестовать, ни устранить? Ни один журналист не высказал предположение, что скорее всего молодой человек проверял возможности «калашников»а. Для какой же цели? Не далее как к вечеру следующего дня на этот вопрос все получили весьма откровенный ответ.

Возможно, Сальваторе Инцерилло не особенно интересовался сообщениями прессы, а может, все дело было в том, что в Палермо новые газеты поступают в продажу во второй половине дня. Впрочем, он и не желал думать ни о чем плохом.

В это утро он мчался на встречу со своей прекрасной дамой. Совершенно уверенный в собственной безопасности, он сел за руль новенькой «альфетты».

Он был всегда прежде всего практиком, а собственный опыт говорил, что его жизнь в данный момент мафии просто необходима. Естественно, у него много недоброжелателей, и это еще мягко сказано. Корлеонцы с ума сходят от ненависти к нему и готовы видеть его скорее мертвым, чем живым, да только у Сальваторе есть определенные гарантии: иначе его давно бы уже устранили так же, как и Сокола. Только от Инцерилло зависело, получит ли могущественная американская семья Гамбино огромный груз героина. По подсчетам Инцерилло, этот товар оценивался в 4 000 000 долларов, и эти деньги, которые он должен был передать своему главному недругу Риине, тот еще не получил. Так неужели же его жизнь стоит гораздо больше и неужели корлеонцы, как бы сильна ни была их ненависть, решатся потерять выручку от двухмесячной работы лучших лабораторий по производству героина?

Наивный Инцерилло не предполагал, что ненависть может стать поистине беспредельной. Это был последний урок, который он получил в своей жизни. Ведь только ради него разыгрался спектакль на улице Либерта, только ради него производились испытания на прочность витрины ювелирного магазина. Вывод же получился следующий: в своей бронированной «альфетте» Инцерилло для корлеонцев неуязвим.

У Сальваторе не было времени интересоваться городскими новостями. В последний раз он испытал блаженство, слушая признания в любви и вечной преданности своей возлюбленной. Меньше всего ему хотелось бы покидать ее, и если бы не дела, он не стал бы собираться уходить уже в полдень. «Куда ты торопишься? Побудь со мной еще немного, Сальваторе», – сказала ему любимая. Он потрепал ее по щеке. «Я ненадолго, малышка. Только одна деловая встреча с другом, и я снова буду у тебя, теперь уже надолго». – «Возможно, пока ты разговариваешь о своих делах, я успею принять ванну», – поддержала игру женщина. – «Конечно, – засмеялся Сальваторе, – но если ты сделаешь это очень быстро».

Совершенно счастливый, он сбежал вниз по лестнице, насвистывая мелодию популярного этой весной шлягера, и направился к «альфетте». Майское солнце, щедрое и такое же счастливое, как и он сам, заливало Палермо. Мимо неторопливо проходили редкие прохожие, а на противоположной стороне улицы припарковался старенький «рено-пикап». «Только одно небольшое дело и немедленно назад», – решил Сальваторе, приближаясь к «альфетте» и открывая дверцу.

Когда что-то несколько раз сильно толкнуло его в спину, он поначалу не понял, что происходит, и только когда эти страшные толчки кинули его на водительское сиденье, его озарило простое и короткое, как вспышка, слово «смерть». Сальваторе судорожно схватился за пиджак, оставленный на спинке сиденья, пытаясь достать револьвер. По спине растекалось что-то горячее и липкое. В голове пульсировала одна мысль: «Скорее, скорее». Вместе с револьвером он зачем-то достал и брелок с ключами, но сил поднять оружие уже не было. Глаза застилал сплошной кровавый туман. Ничего не видя и даже больше не чувствуя непрерывных толчков в грудь, он обернулся лицом к выстрелам и рухнул на мостовую. Здесь его, еще не остывшего, и обнаружил полицейский патруль. Обследовав место происшествия и старенький «рено-пикап», который оказался числящимся в розыске, там нашли посреди кучи бесполезного тряпья несколько десятков гильз от «калашников»а, столь любимого корлеонцами.

Убийство Сальваторе Инцерилло

Что же касается Джироламо Терези, то он услышал автоматные очереди гораздо раньше полиции. Это с ним намеревался встретиться Сальваторе Инцерилло. Терези остановился, подумав, что эта встреча не состоится больше никогда. Он остался один, и теперь для него был единственный выход из создавшейся ситуации – бежать, бежать как можно дальше, так, как это сделал предусмотрительный Томмазо Бускетта. Но он все надеялся на что-то, никак не в силах решиться на побег, и только старался как можно меньше показываться на улицах города, в крайнем случае – передвигаться в бронированном автомобиле. Им овладела странная апатия, и Терези часто думал, что, должно быть, нечто подобное испытывает волк, бегущий между расставленными охотником красными флажками, зная – впереди гибель, но от нее не деться никуда.

Точно так же и Терези понимал, что выбора ему не оставлено только за то, что он так любил Сокола. Вскоре его пригласили на встречу с новыми хозяевами – предателями Джованни Баттистой Пуллара и Пьетро Ло Джакомо. Он чувствовал только бессилие и обреченность человека, идущего на плаху, хотя всеми силами старался убедить себя в обратном. И все же, уходя ранним утром на назначенную встречу, Джироламо Терези попрощался с

женой и поцеловал детей, прижав их к себе так, словно хотел запомнить этот момент навсегда. «У меня предстоит встреча с друзьями, – как можно более спокойно сказал он жене, хотя руки предательски дрожали. – Запомни, все равно все будет хорошо. Если ты меня не дождешься, прошу тебя, сохрани детей: они – самое дорогое, что у нас есть». Жена не нашлась, что ответить мужу, и только пролепетала: «Где состоится эта встреча?» – «В Фалькомльеле», – ответил Джироламо. «Фальшивый мед», – тихо повторила жена название этого места, утопавшего в искрящейся на солнце листве лимонных деревьев.

Джироламо действительно отправлялся на встречу с друзьями и только потом рассчитывал увидеться с ненавистными Пуллара и Ло Джакомо. Когда он подъехал к своему владению, в доме его уже ждали последние шесть человек, еще сохранявших верность погибшему князю Виллаграция. «Ну и что хорошего ты скажешь, Джироламо?» – спросил его Кориолан. «Мне передали, что новые хозяева ждут всех нас. Надо заняться делами семьи, которые вконец запутались и, кроме того, перераспределить посты», – подавленно сказал Джироламо. «И ты всерьез считаешь, что там нам предложат что-нибудь, кроме вечного покоя? – Губы Конторно тронула ироничная улыбка. – Говорю тебе как друг, Джироламо, это ловушка. Никому из нас не следует идти туда». – «Я получил информацию от Нино Сорчи, – слабо возразил Терези (убеждать себя самого ему становилось все труднее и труднее). – Он был одним из ближайших друзей Сокола». – «А Джованни Бонтате и вовсе был его братом, что не помешало ему убить его, – парировал Конторно. – Доверься мне, мое чутье меня не подводит никогда».

«Я согласен с Кориоланом, – заявил Эмануэле Д’Агостино. – Идти туда не надо, утверждаю это как профессионал». – «Как хотите, но мы не пойдем, пусть даже гарантии безопасности нам предоставит сам папа римский, – окончательно сказал, как отрезал, Кориолан. – Может тебе, Джироламо, жить надоело, но я еще подожду немного, если не возражаешь». – «Пусть будет, что будет. Я устал прятаться ото всех», – произнес Терези. «Мы тоже пойдем с тобой», – согласились с Джироламо оставшиеся трое «людей чести».

Они вышли из дома и не спеша, в полном молчании добрались до шоссе. Кориолан и Д’Агостино оставили своих товарищей с явной грустью, прекрасно понимая, что видят их в последний раз. «Могу тебе сказать, что произойдет дальше, – сказал дорогой Кориолан Д’Агостино, – едва они выйдут из машины, как им на шею набросят удавки, а потом сбросят тела в море». – «И это еще не самый худший вариант, – согласился собеседник. – Хорошо еще, если они будут просто задушены или отравлены за обедом. У них сейчас всеми делами заправляет этот безумный маньяк Пино Греко. Мне, конечно, тоже приходилось убивать людей, но никогда я не испытывал от этого удовольствия. Сам понимаешь: работа есть работа. Но Башмачок – иное дело. Он получает удовольствие, когда связывает своих жертв, даже зная, что тем не известна никакая информация. Он долго и изощренно издевается над ними, вешает, а трупы предпочитает топить в серной кислоте».

Кориолана откровенно передернуло. «Что ж, мы видели наших друзей в последний раз. Думаю, больше никогда и никто не узнает даже, где находятся их тела. Мир их праху». Домой ни Терези, ни те, кто пошел с ним, так и не вернулись. Их домашние сразу поняли, что произошло непоправимое, и немедленно облачились в траур. На следующий день безутешные вдовы были окружены плачущими и сочувствующими им родственниками. Естественно, их совсем не трогали сообщения полиции о том, что машины убитых были вскоре обнаружены на разных стоянках Палермо и что, возможно, их убили сразу же, едва они прибыли на место предполагаемой встречи. Все думали только об одном: дай бог, чтобы им не пришлось долго мучиться...

А Эмануэле Д’Агостино, узнав об исчезновении друзей, сделал вывод, что, хотя он и пользовался в Палермо солидной репутацией, больше ему никакая, даже самая наилучшая, репутация не поможет. Понял он и еще одну вещь: и он сам, и Кориолан тоже приговорены к

смерти. Д'Агостино решил срочно бежать, на Сицилии ему никто и ничто больше не поможет. Он вспомнил: кажется, в Америке у него еще остался один человек, на которого, по его предположениям, можно было рассчитывать. Эмануэле срочно созвонился с этим человеком по имени Розарио Риккобоно, и тот на удивление быстро вызвался сделать все возможное для спасения друга.

Буквально через несколько дней Д'Агостино с новыми документами улетал в Америку, заодно взяв с собой сына-подростка. Он с облегчением вздохнул, увидев, как тают в туманной дымке сицилийские берега. Вероятно, именно в этот момент его подвела самонадеянность. Он слишком рано расслабился, хотя стоило бы немного поразмышлять: почему Риккобоно дал ему согласие оказать покровительство, практически не думая, за что Риккобоно получил в среде «людей чести» прозвище Террорист? А ведь здесь прозвища не даются зря. Дело в том, что Риккобоно слишком уж часто не брезговал убивать без зазрения совести своих друзей...

Вот и сейчас, едва Д'Агостино забылся в отведенной ему радушным хозяином спальне сном младенца, уверенный в том, что счастливо избежал страшной участи своих соратников, Риккобоно подошел к телефону и набрал номер Микеле Греко. «Эмануэле Д'Агостино у меня», – сказал он. «Вот и славно», – ответил ему глава Капитула и сразу положил трубку. Риккобоно, сам постоянно трясущийся за собственную жизнь, был необычайно рад оказать услугу корлеонцам, чьи длинные руки не мог остановить даже океан. А убийства были для него делом привычным, тем более что он практически получил благословение от самого Микеле Греко, и потому, решив не откладывать дело в долгий ящик, на следующий день он пригласил Д'Агостино прогуляться в лесу.

«Я подозреваю, Папе известно, что Сокол и Инцерилло хотели убить Риину», – сказал Эмануэле Риккобоно по дороге. «Кажется, Сокол никакого секрета из этого и не делал. Многим секретарям Капитула об этом было известно от самого Бонтате, – откликнулся Риккобоно. – А вот откуда тебе это известно? Вот вопрос и, кажется, он не на шутку тревожит Микеле Греко». Впереди, за густыми зарослями боярышника, мелькнула серебром небольшая, но стремительная речушка, а где-то в ветвях деревьев быстро застрекотала сорока. Эмануэле, вдруг почувствовав, как странно у него сжалось сердце, обернулся к шедшему сзади Риккобоно.

«А откуда ты знаешь, что беспокоит Папу?» – хотел спросить он, но осекся, встретив тяжелый, холодный взгляд Террориста. В его руке тускло блеснуло дуло револьвера. «Нет, не ты!» – вырвалось у Эмануэле, но его голос потонул в грохоте выстрела. Еще живого и истекающего кровью Эмануэле Риккобоно подтащил к речушке и толкнул в воду, постоял немного, глядя, как медленно погружается тело в воду, а потом произнес себе под нос: «Ты был очень сообразительным, Д'Агостино, но, видимо, со временем утратил чутье. Что ж, как раз для таких, как ты, и существует крещение водой». И он побрел к дому, раздумывая о том, что через несколько дней ему останется только завершить начатое: убрать и сына Эмануэле, когда тот начнет беспокоиться о пропавшем отце.

Террориста нисколько не смущал возраст юноши: в Палермо уже порой 14-летние дети становятся убийцами. «Я видел, в какую сторону направлялся твой отец, – сказал он юноше. – Думаю, нам стоит вместе поискать его». Доверчивый мальчик немедленно пошел вслед за Риккобоно той же дорогой, что недавно проходил и его отец. «Что это? – сказал он, наклоняясь перед кустами боярышника. – Какая здесь необычно темная трава». Больше он не успел произнести ни слова. Риккобоно с одного выстрела разнес ему затылок, и юноша упал лицом в то место, где недавно лежал его отец. «Мир вашему праху», – с усмешкой произнес Риккобоно, сталкивая безжизненное тело в реку. Свой долг перед корлеонцами он считал исполненным.

Точно таким же образом воспринимал понятие долга и еще один страшный убийца – Пино Греко, Башмачок. Доброжелатели сообщили ему, что 17-летний Джузеппе Инцерилло поклялся отомстить за смерть отца. «Я их всех сделаю, – пообещал юноша во всеуслышание. – Я доберусь до самого Риины, но им не жить или я не Инцерилло». Вероятно, в другой стране никто не обратил бы внимания на угрозы обезумевшего от горя мальчишки, но только не на Сицилии. Здесь «за базар» отвечали даже дети.

Однажды вечером Джузеппе Инцерилло, как обычно, поцеловав мать, вышел из дома вместе со своим другом Стефано Пекореллой. Внезапно рядом с ними резко затормозила машина. Подростки не успели даже крикнуть, как их грубо втолкнули внутрь люди, лица которых они не успели разглядеть. Автомобиль дал безумный старт, и мимо замелькали безлюдные поля и редкие пыльные рощи. Вдалеке от Палермо машина остановилась рядом с заброшенным складом, куда и привезли подростков. Их связали и заткнули рты.

Низкорослый человек с бесцветными глазами, Башмачок, приблизился к юношам, небрежно поигрывая тесаком. «Так ты и есть сын Инцерилло? – нехорошо улыбаясь, поинтересовался он, глядя в налитые слезами глаза Джузеппе. – Кажется, ты хотел добраться до Риины? Этого не удалось ни твоему отцу, ни его другу Бонтате, не удастся и тебе». С этими словами он повалил мальчика на пол и, взмахнув тесаком, отсек ему правую руку. «Вот так ты точно не сможешь убить Риину», – удовлетворенно заявил он. Юноша потерял сознание и сразу стал Башмачку неинтересен. Достав из кармана удавку, он накинул ее на шею своей жертвы, и через несколько мгновений все было кончено. «Этим тоже займитесь», – бросил Башмачок находящимся рядом с ним убийцам, едва кивнув в сторону полумертвого от ужаса Стефано Пекореллы, и вышел из ворот склада. Через мгновение он снова заглянул внутрь, некоторое время наблюдая за тем, как душат второго юношу. «Да, чуть не забыл: потом не забудьте все убрать. Если оставите хоть какие-нибудь следы, я займусь вами лично», – добавил он, окончательно исчезая за дверью.

Вечером матери пропавших юношей, заплаканные и уже одетые в траур, обратились в полицию по поводу исчезновения сыновей. «К чему столько паники? – спросил улыбчивый комиссар. – Вот увидите, они обязательно объявятся. Вы же знаете: сейчас у них такой возраст, что после любого конфликта в семье они стремятся сбежать куда-нибудь подальше, в Америку например. Не беспокойтесь, скоро вам их вернут». – «Но это просто невозможно, – закричала мать Джузеппе Инцерилло. – У меня были прекрасные отношения с моим мальчиком! Даже если он отлучался ненадолго, то я всегда знала, где он находится. Он говорил мне обо всем! Он знал, как я волнуюсь, и всегда предупреждал меня!».

Но несчастную женщину, потерявшую почти одновременно мужа и сына, служители порядка не пожелали слушать. Джузеппе Инцерилло навсегда соединился со своим отцом, так и оставшись в списках сотен пропавших без вести людей.

Что же касается Башмачка, то для него случай с Джузеппе Инцерилло явился одним из наиболее незначительных эпизодов его кровавой деятельности. И уж конечно, он не считал себя подонком, скорее – праведным судьей революционного трибунала, который ни для кого не находит оправданий. Уж коли дело доходило до уничтожения врагов, то ни одна мера, предпринимаемая в отношении их самих и их близких друзей, не была запрещенной. Во всяком случае, чтобы узнать место, где скрывался от него тот или иной человек, он шел на все: убивал, мучил и терзал всеми способами. Теперь у него остался один-единственный враг – человек по прозвищу Лесной Кориолан.

Охота на фаталиста. Сальваторе Конторно

Сальваторе Конторно слышал, с какой пугающей методичностью корлеонцы уничтожают его друзей и родственников, однако всем окружающим представлялся совершенно невозмутимым; во всяком случае, в отличие от многих бывших соратников, напуганных кровавыми событиями и поспешивших найти укрытие на более гостеприимных греческих островах, он не изменил ни одной своей привычки. По-прежнему Кориолана можно было видеть спокойно разгуливающим по улицам Палермо, так что многие расценивали его поведение как недалекость или же фатализм.

За Кориоланом, помимо обезумевших убийц, охотилась еще и полиция, а он продолжал спокойно проводить время в кругу семьи, несмотря на то что его имя постоянно фигурировало в списках наиболее опасных преступников, объявленных полицией в розыск.

Сальваторе казался неуязвимым, ибо обладал исключительным чутьем, которому могли бы позавидовать даже дикие звери. Он чувствовал, в какие именно часы можно без опаски пройти по улицам родного города и не быть схваченным полицией; знал наверняка, когда посреди ночи может нагрянуть облава, и в это время он отправлялся ночевать в более укромное место, а таких мест у Кориолана было множество.

Кроме того, у него еще оставалось достаточно много родственников и друзей, глубоко уважающих его за прошлые боевые заслуги и готовых в любой момент предоставить убежище. Конечно, в последнее время Сальваторе взял за правило никогда не покидать дом в одиночестве и ни с кем не встречаться. Не то чтобы он совсем перестал доверять близким друзьям, но подозревал, что и они могут оказаться под прицелом корлеонцев.

И все же, видимо, и его показному или настоящему хладнокровию наступил предел, и это произошло после того, как были убиты Терези и трое сопровождающих его членов клана Бонтате. Сальваторе почувствовал, что на этот раз в воздухе всерьез запахло жареным, и решил: настало время отправить хотя бы свою семью в более безопасное место. Однажды вечером он взял жену Кармелу и сына-подростка Антонио, посадил их в скромный «фиат», принадлежавший теще Кармелы. Эта машина, простенькая и небольшая, ни за что не сумела бы защитить их от очередей «калашников», однако Сальваторе знал, что делает.

Он направился прямо во вражеское логово, в самую волчью пасть, в Чакулли, где царствовал ненавистный Папа, Микеле Греко. Всю дорогу он был необычно молчалив, а жена, изредка поглядывая на его сумрачное лицо, предпочитала не беспокоить мужа никчемной болтовней.

Сейчас ему не нужны были никакие слова. Кориолан вспоминал, как еще недавно по этой же дороге проезжал его любимый шеф Стефано Бонтате, и его сердце сжималось от боли, хотя он и не показывал виду. Именно Сокол привел молодого Кориолана в ряды мафии. С первого взгляда он почувствовал такое необычайное расположение к юному бойцу, стройному, черноволосому, с веселыми искрящимися глазами, с неотразимой открытой улыбкой, что предпочитал его обществу любому другому и постоянно обращался к нему, невзирая на принятую в рядах «людей чести» иерархию.

Сокол сам проводил церемонию посвящения, после которой уже на полных правах считал Кориолана своим родственником, «крестником». По утрам князь Виллаграция часто навещался к Сальваторе, приглашая его на прогулку в окрестные поля и зеленые рощи в самой глубине острова. «Пойдем постреляем птиц, Сальваторе», – каждый раз говорил он. Правда, у Сальваторе никогда не создавалось впечатления, будто Сокол является ярым поклонником охоты на птиц. Но, сидя в засаде, Кориолан не раз затылком чувствовал мягкий взгляд своего «крестного отца».

В первый раз ощутив, что Сокол наблюдает за ним, Сальваторе обернулся со своей обычной, по-детски открытой улыбкой и спросил: «Что?» – «Ты должен быть предельно осторожным, Сальваторе, – грустно произнес князь Виллаграция. – Я знаю слишком много и могу сказать тебе: на таких, как ты и я, уже объявлена охота». – «Корлеонцы?» – спросил Сальваторе. Сокол кивнул. «И Папа с ними заодно. Я знаю, что буду убит, я ничего не боюсь, потому что всегда был честным перед самим собой и, кроме того, у всех нас один путь – путь смерти и крови. Мне жалко тебя, мой мальчик, когда ты останешься совсем один». – «Меня взять не так просто, – ответил Кориолан, и в его глазах блеснули зеленые озорные искры. – Я чувствую, как в воздухе вокруг меня начинает сгущаться ненависть... Или любовь... Потому я и обернулся на ваш взгляд. У меня инстинкт хищного зверя. Но это только одно. Сказать по правде, я фаталист и верю, что высшие силы сэберегут меня, если я буду поступать по совести. В противном же случае меня ничто не спасет. Но умирать в молодости не так страшно, как в старости, правда? По крайней мере, я так считаю».

«Верно, – устало подтвердил Сокол. – Пойдем, Сальваторе, пообедаем где-нибудь». – «Здесь нет ничего, кроме захудалых придорожных кафе, – удивился Кориолан. – Они вам не подходят». – «Ерунда, – поморщился Бонтате. – Захудалое кафе – это как раз то, чего мне больше всего хочется в данный момент. Чашка отвратительного кофе в твоей компании, – что может быть лучше?» И он улыбнулся так искренне, что Сальваторе почувствовал, как его сердце захлестывает горячая волна. Ведь он был простым парнем из Чакулли, где знал все улочки, представлявшие для посторонних каким-то безумным лабиринтом, переплетением ходов, многие из которых вели в никуда. Ему нравилось толкаться в пестрой нищей толпе, среди пропахших морем торговцев рыбой и морскими ежами.

«Вы встречались с такими высокопоставленными людьми, – прямо сказал он шефу. – Почему я? Вам же приходилось обедать с теми, кому меня в жизни не представят». – «Просто устал, – коротко ответил Сокол. – А что до представления, то будь уверен, со всеми ними ты непременно познакомишься поближе, дай только срок. Что же касается этих многочисленных пирушек... Иногда у меня в один день происходило по три застолья с отвратительными руладами специально нанятых певцов, исполнявших бог знает что во славу очередного „крестного отца“».

А как-то раз меня познакомили даже с князем, аристократом Алессандро Ванни Кальвелло Мантенья де Сан-Винченцо. Этот человек принимал у себя даже английских королей и саму королеву». – «Знаю, – сказал Сальваторе. – Это он предоставил свой дворец Лукино Висконти. – Его взгляд сделался почти мечтательным. – Это именно там, несравненная и такая легкая, кружилась в долгом вальсе Клаудия Кардинале». – «Да, – кивнул Сокол. – Действительно неплохой фильм. И если мне ближе главный герой по прозвищу Леопард, то ты просто вылитый Танкреди».

Чтобы скрыть смущение, наверное оттого, что взгляд хозяина снова сделался необычно мягким, Сальваторе произнес: «Я слышал, что князь де Сан-Винченцо тоже имеет связи с „людьми чести“». – «Да», – подтвердил Стефано Бонтате. «Между прочим, он действительно оказался прав, – думал Сальваторе, неторопливо ведя машину по пыльной автостраде. – Князя мне действительно представили, и скорее, чем я мог предполагать, причем с формулой совершенно убийственной. Подведя аристократа ко мне, „человек чести“ небрежно произнес: “Это то же самое”».

Сальваторе сделался частым гостем в Чакулли. Вернее, он всегда чувствовал себя как рыба в воде. Здесь можно было надежно укрыться от «сбиров». Те отчего-то не жаловали этот богом забытый уголок. Если же происходила облава, то она напоминала некую кинопостановку. Полицейские вели себя так демонстративно, а их вертолеты гремели так, словно уже началась очередная мировая война и некое государство готово стереть с лица земли

своих врагов. Они как будто нарочно давали беглецам возможность надежно спрятаться, пока они шумят и заранее извещают о задании, исполнять которое им вовсе не хотелось бы.

Во владениях Микеле Греко Кориолан появлялся с явной неохотой, однако ему частенько приходилось сопровождать туда своего хозяина. Его всегда поражал размах, с которым Папа каждый раз устраивал свои бесконечные банкеты и пикники. Он оборудовал со знанием дела полигон, где «люди чести» в специальных наушниках постоянно соревновались в меткости. «Папа – сторонник стрельбы на поражение», – объяснил Сальваторе Сокол. «Здесь все предусмотрено, – тихо отозвался Кориолан. – Единственное, чего я не вижу, это денежно-вещевой лотереи. Только этого не хватает, чтобы Фаварелла стала настоящим аукционом». Сокол тогда только усмехнулся. «Если бы только лотереи... – произнес он. – Здесь еще кое-что имеется...»

Что же еще имеется в царстве Папы, Сальваторе узнал очень скоро, когда однажды хозяин поручил ему подарить охотничью собаку главе Капитула. Псарни располагались вдалеке от жилых строений, а потому, миновав плантации лимонных и апельсиновых деревьев, Кориолан увидел ряд необычных барачков непонятного назначения. Он не удержался, чтобы заглянуть в окно одного из них. Там группа людей в респираторах колдовала над булькающими ретортами и колбами, какими-то дистилляторами. Налетевший ветер донес до Сальваторе поистине тошнотворный запах. Кориолан отшатнулся. «Героин», – понял он.

Это действительно была одна из лабораторий по производству героина. В тот раз Папа нисколько не насторожился, что Сальваторе Конторно невольно узнал его секрет. В конце концов, он был «человеком чести», а значит, имел право знать многое. Во всяком случае, лаборатории уже не являлись секретом. А вот привлечь новичка к общему делу казалось весьма соблазнительным.

Немного поразмыслив, Папа пришел к выводу, что неразумно оставлять лабораторию в Фаварелле, и перевел ее во владения семьи Престифилиппо, тем более что его владельцы, братья Рокко, Сальваторе и Джузеппе Престифилиппо являлись непревзойденными специалистами в этой криминальной области. Однажды Рокко признался Сальваторе, что его семья сколотила огромное состояние на производстве героина. «Я – специалист высшего класса, и меня за это ценят», – не без гордости заявил он Сальваторе.

С той поры, куда бы ни направлялся Кориолан, героин преследовал его едва ли не на каждом шагу; кажется, подпольное производство наркотика захлестнуло весь остров. Однажды Д'Агостино провел Кориолана в ангар на территории, принадлежащей семье Баггерия. Здесь Сальваторе увидел уже знакомую картину: «химиков» в респираторах и булькающие колбы. Рядом с неизвестными людьми в темном, разговаривающими с сильным иностранным акцентом, лежали аккуратно упакованные пакетики с белым порошком. Один из «химиков» опустил небольшое количество порошка в пробирку и с удовлетворением продемонстрировал людям в темном. Те одобрительно закивали головами. «Это американцы, – негромко сказал Д'Агостино, – Они довольны качеством нашего товара». От удушливого запаха Сальваторе начинало мутить. «Прости, я выйду на воздух», – быстро произнес он и вышел, не глядя на Д'Агостино.

«Тебе пора к нам присоединяться», – сказал Д'Агостино, когда автомобиль уносил их в Палермо. В тот раз Сальваторе ничего не ответил. Через несколько дней из газет он узнал, что та партия товара – 40 килограммов чистого героина, что он видел в ангаре, была арестована сотрудниками таможенной полиции Америки. «Ты не чувствуешь себя в убытке?» – поинтересовался он у Д'Агостино. – «Ничуть, – отвечал тот, – на самом деле это всего двухдневная работа наших лабораторий. Там не только мой товар находился, но принадлежащий едва ли не всем семьям острова». – «Как же вы различаете ваш товар?» – «Очень просто, по наклейкам, – снисходительно улыбнулся Эмануэле. – Например, моего героина там находилось всего полкило». – «А кто же отвечает в том случае, если груз утерян или аре-

стован?» – продолжал расспрашивать Кориолан. «Тот, кто непосредственно сопровождает груз, – охотно разъяснил Эмануэле. – Только он может провести дознание, ну и, конечно, наказать виноватых, а потом отчитаться перед виноватыми».

Помимо своей воли, Сальваторе чувствовал, что втягивается в эту сомнительную авантюру. Казалось, Эмануэле предложил ему решить шараду, а Кориолан попался на крючок. «Так объясни мне, как у вас принято переправлять героин в Америку?» – спросил он. «Чаще всего морем, – сказал Эмануэле. – На корабли мы переправляем товар на рыболовных лодках, а дальше все относительно просто: главное – благополучно добраться до берегов Ливии. Иногда удается переправить груз и по суше, поскольку большинство железных дорог находятся под нашим контролем. Вот только через Болгарию очень трудно пробраться: их таможенников неизвестно почему очень интересуют наркотики».

«У меня есть идеи получше, – почти неожиданно для самого себя заявил Сальваторе. – Почему-то никому не пришло в голову, что есть еще один путь – воздушный. Я даже могу испробовать его первым. Есть у меня один знакомый летчик-француз; он сделает для меня все, что угодно. И просто, и дешево, и не надо прятать товар среди мебели или грампластинок», – он даже засмеялся, так понравилась ему самому эта идея с самолетами. «А почему бы и нет? – заметно оживился Эмануэле. – На ближайшем же заседании я переговорю с шефом о тебе».

Затея Кориолана действительно имела огромный успех. После того как с помощью летчика Сальваторе в Америку были переправлены солидные партии героина, «крестные отцы», занимавшиеся производством наркотиков, связались с американской семьей Гамбино, под контролем которой находился аэропорт имени Кеннеди, и благодаря подсказке Сальваторе, предложившего подкупленным таможенникам вынимать заветные пакетики до того, как произойдет осмотр, торговля пошла поистине стремительными темпами. Известно, что всего за два года в Америку с Сицилии было переправлено, как минимум, десяток тонн чистого героина.

«Теперь и Эмануэле больше нет в живых, – мрачно размышлял Кориолан. – Так что же так сильно удерживает меня в этом грязном квартале? Большинство из осторожных людей уже греются под ласковым солнцем Бразилии. А я... Как признаться, что я люблю этот ужасный квартал Бранкаччи, где ко мне относятся как к королю, что мне нравятся пестрые толпы и даже вонь из помоек не так страшна, как запах опостылевшего героина. Многие говорят: жить здесь невозможно, потому что даже море отравлено отходами промышленности, а уличная еда готовится на неизвестно каком масле. Но где еще я смогу ходить так же свободно, всегда чувствуя себя молодым, смотреть на птиц, которыми торгуют на каждом углу. А эти скромные с виду домишки, где, ты знаешь, за плотно занавешенными шторами постоянно ждет тебя любящая жена?».

Он на самом деле испытывал некое подобие нежности к тем отверженным, которые по вечерам сидели по своим конурам без света и воды. Надо сказать, что отверженные платили Кориолану ответной любовью: никто во всем квартале ни за какие блага мира не согласился бы выдать его полиции. Однажды городские власти хотели было рядом с этим подобием домишек возвести в общем-то ни на что не годный комиссариат полиции. Что тут началось! Толпы бедняков высыпали на демонстрацию, протестуя против произвола властей. В результате от строительства комиссариата отказались и общественный порядок был восстановлен.

«Да, хорошие были времена, – прошептал тихий внутренний голос Кориолану. – То был мир, но теперь все иначе. Идет война, если ты не забыл. Будь осторожен, или даже твой любимый Бранкаччи не спасет тебя».

Несколько дней он напряженно размышлял, поскольку каждое утро ощущал: волна ненависти приближается; она становится все ближе, и вот уже дышит в лицо. Скоро она

встанет перед ним, как цунами, и Кориолан не сможет ни сам спастись, ни уберечь семью от репрессий корлеонцев, которые шли по его следу, как хорошие гончие.

В то жаркое и влажное утро он отправил жену в никому не известное жилье в Бранкаччи, а сам вышел вместе с сыном из дома тестя, где до сих пор скрывался, только под вечер. На улице ничего необычного Кориолан не заметил; разве что его внутренний голос срывался на крик: «Опасность! Рядом опасность!». Стараясь не выдать сыну собственное волнение, Кориолан вел машину по дороге к Бранкаччи, повернул направо от заводика одного из своих знакомых, когда его автомобиль обогнал неприметный «фиат». Одного взгляда на водителя для Сальваторе было достаточно, чтобы он понял: за рулем находится такой же «человек чести», как и он сам.

Сальваторе слегка наклонил голову в знак приветствия, и водитель ответил ему тем же. На всякий случай Кориолан внимательно посмотрел в зеркальце заднего обзора: «фиат» «человека чести» по-прежнему едва тащился по дороге, однако совершенно из виду не пропал. Проезжая мимо одного из зданий, Сальваторе обратил внимание на человека, стоящего со скучающим видом около открытого окна. «На уровне моего автомобиля, – привычно отметил про себя Кориолан. – И, кажется, его я тоже знаю...» Не прошло и нескольких секунд, как в поле зрения Сальваторе оказался еще один человек из клана Чакулли. Он принадлежал к семейству Микеле Греко, а завидев машину, сделал вид, что наслаждается душным вечерним воздухом в тени стены сада, что надежно защищала от посторонних глаз сад его отца. Сальваторе даже вспомнил имя этого человека – Марио Престифилиппо.

Как известно, трижды простых совпадений в жизни не бывает, а потому Кориолан окончательно понял: сейчас ему будет очень жарко, если, конечно, исключить то обстоятельство, что все бойцы Чакулли решили устроить совместную прогулку в надежде как следует подышать свежим воздухом. Конечно, улица в этот час была весьма оживленной. Прохожие отдыхали после трудового дня, а самые смелые отваживались даже купаться в отравленных химическими отходами водах залива. «И сколько же здесь их? – невольно подумал Сальваторе. – Пятеро? Десять? Они обложили меня, как дикого зверя».

Сзади взревел мотороллер, и Сальваторе весь собрался, как в ожидании прыжка. Этот мотороллер, неожиданно выскочивший из неприметного тупичка, на бешеной скорости приближался к его машине. Вот Кориолан уже мог ясно различить лица убийц (а в том, что это убийцы, у него не осталось и тени сомнений). За спиной водителя сидел сам Башмачок, и его вид не сулил Конторно ничего хорошего.

А затем произошло нечто странное. Для Кориолана время словно остановилось. Он видел, как постепенно сближается с его автомобилем мотороллер, как Башмачок, как будто при замедленной съемке, достает из-за спины «калашников» – излюбленное оружие, прицеливается в головы своих жертв.

Сальваторе Конторно мгновенно снизил скорость автомобиля и, оставив руль, упал всем телом на ничего не подозревавшего мальчика, стараясь закрыть его собой от града пуль, которые через доли секунды обрушились на машину. Казалось, крыша автомобиля взорвется от грохота обрушившихся на нее очередей. Вокруг посыпались разбитые вдребезги стекла; пули падали сквозь пробитый кузов.

И вдруг наступила оглушающая тишина. Сальваторе чувствовал, как непроизвольно дрожит всем телом мальчик, которого он продолжал прикрывать. Конторно быстро поднялся и осмотрелся вокруг. Мотороллер находился приблизительно в 20 метрах от его машины. Он замолчал только для того, чтобы пойти на второй круг и добить чудом уцелевших жертв, хотя весь их автомобиль был насквозь прошит пулями, так что невозможно было отыскать на нем живого места.

Вновь взревел мотор, и прохожие бросились с улицы врассыпную, не желая стать случайной жертвой чужих разборок. Кориолан завел машину и бросил быстрый взгляд на сына,

смертельно бледного, но живого. Правда, его сильно оцарапал осколок стекла, и теперь кровь лилась по его щеке буквально ручьем. Сальваторе не задавался вопросом, ранен ли он сам; ему было вообще не до этого. Главное, он не чувствовал боли – вот и хорошо. Надо было срочно спасать сына.

Он проехал всего сто метров, именно столько было необходимо, чтобы успеть выйти из машины, вот-вот грозившей похоронить его навсегда под своими жалкими обломками. Открыв дверцу, он вытолкнул сына из автомобиля. «Уматывай! – заорал он. – Чтобы через секунду и духу твоего здесь не было!». Он посмотрел, как скрылся в проулке его сын, а сам прижался спиной к жалким остаткам своего «фиата». Положение казалось совершенно безнадежным. Но в конце концов сына он спас, а это уже немало.

Достав из кармана пистолет, Кориолан спокойно ждал приближающихся к нему преследователей. Он даже успел заметить, как внимательно наблюдает за происходящим водитель БМВ, специально остановившегося для того, чтобы в деталях рассмотреть разыгравшуюся как бы лично для него сцену. Одного взгляда на этого человека Сальваторе хватило, чтобы он сразу узнал его: глава Корсо дей Милле, Филиппо Маркезе по прозвищу Баклажан, чья патологическая жестокость не уступала маниакальному рвению Башмачка.

Тем временем мотороллер все ближе надвигался на Кориолана. Мало того, у него, кажется, появилась группа огневой поддержки в виде зеленого «гольфа», внутри которого без сомнения, находилось еще несколько бойцов Маркезе. «Сколько же людей и машин он бросил на то, чтобы уничтожить меня одного?» – невольно усмехнулся Кориолан.

Он видел, как усилившийся ветер дует прямо в открытый в яростном вопле рот Башмачка. Он дал очередь, практически не делая труда даже прицелиться как следует: он был уверен, что верный «калашников» не подведет его и на этот раз. Он даже не заметил, что Конторно поднял свой пятизарядный пистолет почти одновременно с ним, спокойно прицелился в грудь Башмачка и выстрелил. Он понимал, что второго раза у него может просто не быть. Кориолан допустил только одну ошибку, как он понял чуть позже, но все же его выстрел достиг цели.

Башмачок упал на спину, продолжая бешено давить на гашетку «калашников»а. Пули сыпались градом вокруг Конторно. Отрикошетив от железной вывески, пуля взвизгнула рядом с его головой. Рухнула разбитая витрина магазина. Острые, как бритва, осколки посыпались прямо на Сальваторе. Один из таких осколков полоснул его по лицу. Хлынула кровь, и только сейчас Кориолан понял, что действительно ранен. В тот момент его утешало только одно: его злейший враг, маньяк Башмачок, убит. Он сам четко видел, как пуля попала ему в грудь. Противники смешались, а Конторно юркнул в проулок, где недавно исчез его сын, и побежал. За ним не гнались.

К сожалению, на следующий день Сальваторе понял, что ненавистный упырь Башмачок остался жив. Как бы желая продемонстрировать всем, что он жив, Пино Греко лежал на пляже с местными красотками, причем на его теле не было заметно ни царапины. Только сейчас Кориолан понял, в чем состояла его ошибка: ему не следовало стрелять Башмачку в грудь – ведь было же совершенно ясно, что, собираясь убрать такого опасного противника, как Кориолан, он надел под рубашку пуленепробиваемый жилет.

Эта ошибка дорого обошлась Кориолану. Он знал, что Башмачок, если пользоваться военными терминами, предпочитает тактику «выжженной земли», а это значило: тот не успокоится, пока не убьет Конторно, а заодно всех его родственников, друзей и случайных людей просто потому, что ему покажется, будто те могут что-то знать о местонахождении Кориолана. Предположения Конторно оправдались: не прошло и двух недель, как были убиты его племянник, дядя и даже сводный брат тещи и муж двоюродной сестры. Был уничтожен даже врач госпиталя Чивико, который, по слухам, оказал Сальваторе первую помощь. В этой игре Башмачок проиграл, а потому шел на все...

«Выпьешь море – видишь сразу небо в звездах и алмазах». Винченцо Синагра

Это море Винченцо Синагра видел с самого детства. Оно плескалось совсем рядом, позади скопления невзрачных бараков и купальных домишек, поражающих своей нищетой. Он помнил, что когда-то в этом море можно было даже купаться, однако теперь посреди грязного и замусоренного песчаного пляжа возвышался прокаленный солнцем, выцветший жестяной плакат, предупреждающий любителей принять морскую ванну, что делать этого не стоит: слишком вредно для здоровья.

Улица рядом с кварталом Бранкаччи, на которой родился Винченцо, не имела даже собственного названия. Она удостоилась лишь одной буквы и одной цифры – С-3. Он сумел закончить всего три класса средней школы, после чего немного научился разбирать буквы и даже мог кое-как нацарапать свою подпись, свидетельствующую о том, что ее делал неграмотный заморыш.

Нет, меньше всего ему хотелось бы, чтобы окружающие принимали его за заморыша. Во всяком случае, он себя таковым не считал. Пока, правда, доказать всем, что он способен на что-то серьезное, возможности так и не представлялось. Ему приходилось работать на засолке анчоусов и откликаться на приставшую с детства кличку Колокольчик из-за его детской страсти к погремушкам и вообще всему, что звенит.

Окружающие относились к Колокольчику как к безобидному простому пареньку, тогда как ему больше всего на свете хотелось походить на своего старшего брата. Он казался Винченцо таким сильным, смелым, бесстрашным. Недаром же он получил такое уважительное прозвище Гроза.

Грозе нравилось, с каким восторгом смотрит на него младший брат, и однажды он признался ему, что принадлежит к одному из самых безжалостных кланов Палермо Корсо дей Милле. «Если ты будешь терпелив и станешь правильно вести себя, то станешь таким же, как я, – заявил старший брат Винченцо. – Ну и, конечно, немного удачи тебе тоже не повредит». И он самодовольно приосанился. «Много званных, но мало избранных», – почему-то вспомнил Винченцо воскресную проповедь священника, а почему – он и сам не понял.

Однако на улицах города шла война, и если раньше в ряды мафии действительно принимали только избранных, то сейчас было не до разборчивости: сколько отличных бойцов погибло за короткое время и скольким еще предстояло обогреть кровью улицы Палермо или лечь на морской песок, навсегда скрывшись под многими футами зеленоватой воды. Сейчас мафиозным боссам срочно требовалось вливание новой молодой крови в поредевшие ряды сторонников, а потому брезговать не приходилось практически никем. Давно остались в прошлом ритуалы и обряд инициации: было уже не до них. В результате вышло так, что несчастного, еще не вышедшего из детства Колокольчика старший брат затащил в свою организацию едва ли не насильно.

Впрочем, впоследствии Винченцо понял: это действительно было насилие по своей сути. В тот вечер оба брата, как обычно, сидели в кафе на набережной в компании двух приятелей Грозы. «Ну что, Колокольчик, все еще занимаешься своими анчоусами?» – спросил один из них, глядя на молодого человека с нескрываемой жалостью. «А что делать?» – с тоской пожал плечами Винченцо. «Что делать? – медленно произнес Гроза. – Да то же, что и мы. Что ты можешь заработать на своих анчоусах? Да ты бы не смог сидеть даже в этой забегаловке, если бы я не заплатил за тебя. Что делать! Да этих вонючих коммерсантов щипать или получать свою долю за выполненное дело. Разве мало я тебе рассказывал о том, чем мы вообще занимаемся?» – «Так ведь не убийца же я», – только и сумел пролепетать Винченцо. «Либо ты их, либо они нас, – отрезал Гроза, и его взгляд налился свинцовой тяжестью. – И

не надо тут сопли разводить, если ты хочешь, чтобы окружающие считали тебя настоящим мужчиной. Короче, брат, либо ты выбираешь прежнюю жизнь, либо с сегодняшнего же дня становишься одним из наших».

Винченцо понял, что это угроза и даже больше. Никакой другой жизни не будет; его убьют сразу же, услышав его отказ. Он слишком многое слышал от Грозы, и теперь ему нельзя просто так уйти в тень и сделать вид, как будто ничего не произошло. Теперь он даже не мог сказать, что не был предупрежден, а потому покорно ответил: «Что мне придется делать?» – «Что скажут – то и будешь», – коротко ответил Гроза. «Это значит убивать, взрывать машины...» – подумал Винченцо, и видимо, эти мысли промелькнули на его лице, потому что тон старшего брата сделался немного мягче. «Ты немного не понял, братишка, – сказал он. – Сейчас идет война, и каждый настоящий „человек чести“ должен сделать свой выбор; так неужели же ты пойдешь против меня?»

Винченцо обреченно молчал, а Гроза продолжал: «К тому же после войны ты сразу получишь много денег. Ты навсегда забудешь, что такое засолка этих треклятых анчоусов». Винченцо вспомнил свою жалкую зарплату, грязную фабрику, беспросветный, как вся его жизнь, пейзаж за окном, который он видел каждое утро и уже всей душой начинал ненавидеть. «Да, мир дерьмо, – подумал он. – Пусть будет так, как хочет брат». Поднимаясь из-за стола, Гроза произнес, кивнув в сторону своих собеседников: «Эти мои друзья славятся как самые жестокие во всей Корсо дей Милле, и прими мой совет. Как брат брату советую тебе: ты должен стать таким же жестким, как и они».

Довольно скоро довелось Винченцо познакомиться и с главой Корсо дей Милле, Филиппо Маркезе по прозвищу Баклажан. Он и по виду напоминал этот овощ: такой же коренастый и плотный. Однако на этом сходство с безобидным овощем и заканчивалось. Он был не менее жесток, чем маньяк Башмачок, с которым он любил работать в паре, а его власть казалась поистине безграничной. Маркезе значительно усилил свое влияние на Сицилии, породнившись с семьями влиятельных капо, особенно с кланом Корлеоне, имеющем все возрастающий вес в Капитуле. Он выдавал своих родственниц замуж за корлеонских убийц, за «людей чести» из кланов Цанка и Тиннирелло. Теперь все они были связаны намертво: ведь, как известно, брачный обет в понимании сицилийца могла нарушить только смерть, а кровные узы превыше всех остальных. В конце концов, Маркезе хотел навести на мысль глав семейств, что он, проникший при помощи кровных связей практически всюду, едва ли не всем по какой-нибудь линии приходившийся родственником, – просто идеальный представитель интересов семей.

О силе Филиппо Маркезе Винченцо прекрасно был осведомлен, и не понаслышке. Все предприниматели его территорий послушно платили дань Баклажану; если же кто-нибудь отказывался, то на следующее утро обнаруживал, что его заводик или магазинчик буквально сровняли с землей. Это были первые «подвиги» Колокольчика. Однажды Винченцо стал свидетелем того, как Маркезе швырнул в официанта кафе огромное блюдо, разбив ему до крови лицо. «Ты не умеешь как следует обслуживать клиентов! – орал при этом Маркезе. – Тебе только мусорщиком работать, а не гарсоном! Может, хотя бы теперь ты запомнишь, кто именно настоящий хозяин твоего поганого заведения!»

За Маркезе числилось огромное количество убийств, однако у полиции всегда не находилось достаточных улик или оснований для того, чтобы отправить этого человека на нары. Он, конечно, числился в розыске, но каждый раз влиятельные люди в недрах законодательной власти полагали за лучшее не связываться с ним. А Баклажан, уверенный в полной собственной безнаказанности, не считал нужным ни прятаться, ни хоть сколько-нибудь менять излюбленные привычки. Но даже в том случае, если бы ему взбрело в голову спрятаться от правосудия, то он нашел бы убежище во множестве своих логовищ, удобных и отлично обо-

рудованных, о которых полиция ничего не знала, но о которых уже был достаточно слышан новичок в мафии по кличке Колокольчик.

Филиппо Маркезе крайне болезненно относился к действиям людей, которые считал для себя оскорбительными, а что расценивать как оскорбление, капо решал для себя сам, исходя исключительно из субъективных понятий.

Так, например, однажды ему доложили, что двое молодых налетчиков, Маурицио Ло Версо и Джованни Фаллука, обчистили почтовый вагон неподалеку от Палермо. Едва Маркезе узнал об этом, он буквально вышел из себя. «Они украли мою идею! – орал он. – Они должны ответить за это! Гроза и Колокольчик, немедленно займитесь этим!»

Братья отправились в один из баров, завсегдатаями которого, как они прекрасно знали, были Маурицио и Джованни. Так оно и оказалось: оба молодых человека сидели в самом углу темного зальчика, потихоньку о чем-то переговариваясь. Винченцо и Гроза, поздоровавшись, подсели к ним, и вскоре старший брат завел разговор: «Дело есть неплохое и верное, – начал он. – Есть тут у меня один человечек на примете, который может навести на кое-какие ювелирные магазины, побрякушки поможет взять без шума». И не давая опомниться собеседникам или даже вставить хоть одно слово, заявил: «И к чему нам откладывать, когда все складывается так удачно. Этот человек уже ждет нас. Пойдемте с нами, мы вас проводим. Это совсем недалеко».

Он казался выглядеть как можно естественнее, и даже Колокольчик на мгновение поверил, что в его голосе звучит настоящее дружелюбие. Ни о чем плохом не подумали и Джованни с Маурицио: не все же обладают способностью Кориолана чувствовать опасность всей кожей, а потому они поднялись из-за стола и проследовали за братьями, которые усадили их в синий «фиат».

Маурицио Джованни знал с детства, хотя и не особо дружил с ним. Он знал, что того прозвали Маленький Папа, потому что однажды мальчишка потерял отца и целый день ходил по городу с залитым слезами лицом, спрашивая каждого прохожего: не видел ли хоть кто-нибудь его папу? И вот теперь Маленький Папа почувствовал то забытое волнение, граничащее с паникой по мере того, как «фиат» все дальше удалялся от бара, а встреча с неким ювелиром все больше представлялась фантомом. «Ты не ошибся, Гроза? – с тревогой спросил он. – Мы так долго едем, это странно...» – «Сиди спокойно и не дергайся, – бросил ему Гроза через плечо. – Уже, считай, подъезжаем».

Машина остановилась вблизи невзрачного заводика. «Все, выходите», – сказал Гроза. Винченцо съехал на своем месте, понимая, что никакая сила в мире не заставит его покинуть «фиат». Он увидел только, как Джованни и Маурицио в сопровождении Грозы вышли, немного растерянно озираясь по сторонам, как в тот же момент двери заводика открылись и перед незадачливыми грабителями предстали все отборные убийцы Корсо дей Милле во главе с Баклажаном. «Так ведь это же...» – только и успел произнести Маурицио, и его голос угас, а Винченцо закрыл глаза, почему-то чувствуя страшную усталость.

Гроза появился через полчаса. «Ну и вид у тебя, братишка, – сказал он Винченцо. – Имей в виду: так не пойдет. Я-то, конечно, никому не скажу, но скоро ты сам начнешь принимать участие в наших разборках, и выражение твоего лица может сослужить тебе скверную службу». – «Что с ними сделали?» – спросил Колокольчик, внутренне содрогаясь. «У Маркезе тут находятся огромные двухсотлитровые бидоны. Там, знаешь ли, серная кислота такого отличного качества... – он криво усмехнулся. – Я сам убедился: растворяет все, кроме часов. А часов у них не было».

С того времени Гроза начал всерьез подумывать о том, что пора бы его младшему брату постепенно привыкать к убийствам. Вскоре он сказал ему: «Сегодня вечером придешь на Понте Мария, 8. Там я буду ждать тебя и еще один авторитетный человек. Зовут его Антонино, а фамилия тебе ни к чему. Просто придешь и станешь ждать. Больше пока от тебя

ничего не требуется». Через несколько часов Винченцо оказался в этом квартале, грязном и страшном, как смертный грех. Здесь не могли жить даже бедняки, а потому большинство домов предназначалось под отселение. Что же касается дома № 8, то, как слышал Винченцо, «люди чести» нередко проводили там время, играя в бильярд. Кажется, их нисколько не смущал прискорбный вид комнаты – все эти растрескавшиеся от сырости стены и наполовину обрушенные потолки, и даже вонь, которая настойчиво доносилась с помойки, расположенной неподалеку.

Винченцо не обнаружил ничего страшного или подозрительного в этой комнатенке, а потому, неторопливо беседуя о том о сем с братом и с Антонино, ждал неизвестно чего, однако вопросов не задавал. Вскоре под окном взвизгнули тормоза. «Вот и приехали», – оживился Гроза. «Кто?» – осмелился спросить Винченцо. «Да предприниматель один по фамилии Руньетта. Знаешь, занимался контрабандой сигарет, немного приторговывал героином... И сейчас, наверно, думает, что его по делу пригласили, позволят взять очередную партию сигарет». – «А на самом деле?» – Винченцо даже невольно вздрогнул. «У Маркезе на него зуб, – откликнулся Гроза. – Но что они там не поделили, я сам точно не знаю. Раньше у нас с этим Руньеттой никаких неприятностей не было; во всяком случае, я ничего подобного не припоминаю. Но, наверное, у Маркезе память получше моей».

Антонио Руньетта вошел в комнату спокойно и самоуверенно. Он не мог ожидать ничего плохого от этих людей. Так он, по крайней мере, думал. Он всегда отличался большой осторожностью и гордился этим. Когда происходили кровавые внутрисемейные разборки, Руньетта всегда оказывался в стороне. Он знал, что если у него и могут быть какие-либо неприятности, то лишь со стороны представителей власти.

С кланами же предприниматель вел дела корректно, никогда не забывая отдать причитающуюся с него долю, и уж если его пригласили на встречу, значит, впереди ждет очередной заработок, только и всего.

Однако ожидания предпринимателя не оправдались. Стоило ему войти в комнату, как люди, находившиеся в ней, набросились на него, как по команде, так что несчастный Антонио и крикнуть не успел. Кажется, он даже не понял, что с ним произошло, и обрел способность говорить только тогда, когда его уже профессионально прикручивали к стулу. «Объясните хотя бы, в чем я виноват, в чем меня обвиняют?» – пролепетал предприниматель, однако ни Винченцо, ни Гроза об этом не догадывались, а потому сказать ничего не могли, да и не хотели, тем более что в комнатку уже входил Баклажан в окружении десятка господ клана Корсо дей Милле столь ужасного вида, что Антонио почувствовал, как опасность накатывает на него, будто соленые морские волны; она так сильна, что он начинает задыхаться.

Гроза бросил стремительный взгляд на Винченцо, а потом произнес: «Выйди в соседнюю комнату и жди там. Быстро!». Винченцо и сам мечтал как можно скорее скрыться хотя бы на время из поля зрения Баклажана, весь вид которого не сулил ничего хорошего. И все же Винченцо не мог заткнуть себе уши, а стенки домика были слишком тонкими, а потому он отчетливо слышал каждое слово, доносившееся из соседней комнаты. Сначала задвигались стулья: видимо, «люди чести» рассаживались на свои места, а потом быстро и отрывисто заговорил Баклажан. Видимо, он, как человек деловой, привык ценить время, а потому предпочитал не разводить лишних церемоний и сразу переходить к делу.

«Где Кориолан?» – спросил он. В ответ раздался дрожащий голос Руньетты: «Я ничего не понимаю... Кто это такой?» – «Не валяй дурака, знаешь, – раздалось в ответ. – Нам известно, что несколько раз ты вел с ним дела и отношения у вас были неплохие, говорят, даже дружеские». – «Быть может, я вел когда-то с ним дела, – в отчаянии почти закричал Руньетта. – Но я вел дела со многими, и я не могу знать, где в данный момент находится каждый мой деловой партнер». – «Кориолан – не каждый, и ты немедленно скажешь, что именно известно тебе о нем, и не рассказывай мне сказки о том, будто тебе ничего не известно. Жить

захочешь, значит, немного потрудишься над тем, чтобы напрячь свою память, а нет... Что ж, тем хуже для тебя».

И тут Винченцо Синагра, к своему ужасу, непроизвольно бросил взгляд на стену и увидел там огромную трещину, которая открыла ему происходящее в соседней комнате. Конечно же, он предпочел бы вообще ничего не видеть и не слышать, но его словно парализовало, и он смотрел, не в силах заставить себя отвести взгляд. Он видел, как в безумной попытке освободиться от веревок дергался Антонио Руньетта, но на его жалкие и отчаянные попытки «люди чести» внимания не обращали. Один из них – Башмачок – с видом судебного заседателя сидел за столом, глядя на разбросанные перед ним в беспорядке листки бумаги, а в руках он вертел карандаш. Весь его вид говорил о том, что он был бы не прочь записать хоть какие-нибудь сведения, касающиеся его злейшего врага Кориолана, однако особых надежд он не питал: этот малый чересчур напуган, чересчур туп и к тому же, скорее всего, действительно ничего не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.